

У вечной любви
привкус крови

18+

СВЕТЛАНА
ПОДЕЛИНСКАЯ

ПОЛНОЛУНИЕ

Young Adult. Хиты молодежного фэнтези

Светлана Поделинская

Полнолуние

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Поделинская С.

Полнолуние / С. Поделинская — «Эксмо», 2021 — (Young Adult.
Хиты молодежного фэнтези)

ISBN 978-5-04-193129-2

Потрясающее вампирское фэнтези, мрачное и чарующее. Существует ли вечная любовь? Между ними – два столетия и тайны древнего рода. Из собственных эгоистичных побуждений Эдгар сделал Лауру вампиром, не предоставив ей выбора. Но чем это для него обернется? Каково это – провести жизнь как во сне, чтобы в девятнадцать лет быть обращенной в вампира незнакомцем, загадочным и неотразимым? Кто он и что скрывает? Реальность оказывается страшнее, чем ночной кошмар, а любовь – отравленной. Лауре предстоит узнать темные секреты далекого прошлого и овладеть магическими силами. Сможет ли она принять свое предназначение и при этом не утратить себя? «"Полнолуние" – это написанная богатым, красивым языком готическая история о вечной любви в духе викторианских романов, с затягивающим сюжетом и уникальным авторским переосмыслением мифа о вампирах. Написанный с исторической достоверностью, роман переносит читателя в разные эпохи, помогая одиноким героям обрести долгожданный покой и обрести настоящую любовь». – lifestyle-блогер @ollys_books

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193129-2

© Поделинская С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Плейлист	7
Пролог	8
Часть 1	15
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	45
Глава 7	49
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Светлана Поделинская

Полнолуние

© Поделинская С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Многие имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и историческими личностями случайны. Это художественный текст, не имеющий целью оскорбить чьи-либо чувства и не претендующий на историческую достоверность. Роман не предназначен для чтения несовершеннолетними.

Плейлист

The Mamas And Papas – *California Dreamin'*
London After Midnight – *Your Best Nightmare*
Siouxsie And The Banshees – *The Sweetest Chill*
The Cure – *The Kiss*
Clan Of Xymox – *Courageous*
Sweet Ermengarde – *Kisses*
Christine Plays Viola – *Apocryphal Supremacy*
AC/DC – *Highway To Hell*
Depeche Mode – *Behind The Wheel*
Scott McKenzie – *San Francisco*
Aeon Sable – *Dead End*
Aeon Sable – *New Breed*
Depeche Mode – *The Love Thieves*
The Last Cry – *Falling Away*
Born For Bliss – *If Someone*
Siouxsie And The Banshees – *Lands End*
Lacrimosa – *Die Strasse Der Zeit*
Fading Colours – *Eveline*
Clan Of Xymox – *Love Got Lost*
The Hearse – *Depression*
Mephisto Walz – *Dear Familiar Phantoms*
Aeon Sable – *Procession*
Esben And The Witch – *Smashed To Pieces In The Still Of The Night*
Born For Bliss – *All Away*
Das Moon – *Das Model*
Aeon Sable – *Elysion*

Пролог

Опрокинутое небо

Лос-Анджелес дышал привычным зноем в золотом мареве незаходящего солнца. Календари отмечали наступление осени, однако на улицах еще буйствовало лето, негасимая жара. Город словно превратился в пляж: привкус соли и песка в воздухе, ленивый бриз с побережья и тихий шелест пальм – все это слилось в едином дыхании. Воистину Город ангелов – соблазнительный благоустроенный ад.

Эдгар появился на этом празднике жизни, одетый во все черное, будто был в трауре. Он надеялся отыскать свою кровинку, пленить будущую добычу, предназначенную ему судьбой. И медленно шел по дорожкам луна-парка, лавируя в толпе детей. Можно было без церемоний явиться за Лаурой прямо в дом Элеоноры, но ему хотелось самому выследить ее и узнать среди других детей. И Эдгар терпеливо бродил по аллеям, ища в маленьких лицах свое отражение или хоть какое-то подобие, но все они развеивались в дым перед его глазами. В отпрысках современных американцев он видел что-то особенно раздражающее и дерзкое. Эти своевольные дети, жующие жвачку, ежеминутно взлетали в небеса и стремительно падали вниз. Для них полеты были обыденным делом, они давно позабыли все страхи и визжали просто так, для забавы. Даже сверхъестественное, знакомое с детства по кинофильмам, превратилось в сказку, в которую никто не верит. И где-то здесь, на самом краю Американского континента, в удушливой атмосфере неверия и презрения рос его нежный цветочек, уходящий корнями в глубину веков.

Наконец Эдгар почуял свою кровь, скользкий след которой тянулся за ним сквозь вечность. Он услышал ее движение, однако она призывала его разноголосым шепотом, будто поток разделился на два ответвления, которые отличались друг от друга насыщенностью, как кровь венозная и артериальная. Эдгар сразу разгадал природу этой двойственности: перед ним предстали две девочки, в одной из которых он узнал старшую дочь Элеоноры по имени Джемайма.

Джемми окружила младшую сестру заботой. По той электризующей энергии, с какой она одергивала платье сестренки и расправляла бант у нее в волосах, Эдгар определил источник жизни Джемаймы. Она была на три года старше Лауры и старалась вести себя с сестрой по-матерински. Джемми нуждалась в том, чтобы излить избыточную жизненную силу на более слабое существо, а маленькая Лаура принимала правила этой игры в дочки-матери. Эдгар следил за девочками из тени, но в его мыслях не было места спокойствию и отчуждению.

Наконец вертлявая Джемайма куда-то делась, бросив сестренку на произвол судьбы. Эдгара легким мотыльком коснулся ее смехок: «Спорим, я вернусь с мороженым раньше папы!» Серебристый колокольчик в собственном смехе призывал Джемайму к действию. Слишком неугомонная, она не могла подолгу находиться на одном месте. Видимо, таков был ее жизненный удел: лететь за придуманной, зачастую призрачной целью навстречу своей смерти.

Как только Эдгар упустил из виду блуждающий огонек Джемаймы, он вмиг прозрел. Увидел во плоти свою несбыточную мечту, чудом воскресшую и очеловеченную. Она предстала в лучезарном ореоле, созданном его воображением, хоть и пряталась в облике маленькой девочки. Как нарочно, в этот день Элеонора вздумала нарядить ее в белое платье, кружевное и пышное, похожее на старомодное. И Лаура до неправдоподобия напоминала его дочь Магду в детстве: такие же струящиеся светлые волосы и ясные голубые глаза. Взгляд девочки, устремленный ввысь, роднил ее с Магдалиной и в то же время разлучал: в нем было нечто новое, свое. Такого чистого отражения неба в глазах, такой головокружительной лазури Эдгар еще не встречал в своем роду. Его собственные глаза были непроницаемы подобно ночному туману, и лишь изредка в них проглядывал лунный луч. Глаза же дочери Магдалины, эти таю-

щие льдинки, всегда полнились тоской, сначала смутной и сладостной, а со временем испепеляющей, и видели небо лишь как тень на снегу. Только Лаура, девочка четырех с половиной лет, воспринимала небо во всей его беспредельности, ничуть не задумываясь о том, что кроется в глубине манящей синевы. Это дитя смотрело на самоуверенных сверстников с подавленной завистью – ее тоже притягивали небеса, однако, в отличие от Магды, Лаура не искала там необозримых далей. Она просто мечтала взлететь, но была прикована к земле истинно человеческим страхом высоты.

Лаура стояла на островке врожденного одиночества, затерянная в толпе и неразгаданная. Ее белые носки с помпонами сползли на запыленные туфельки. Эдгар не верил в реинкарнацию, но его родительский инстинкт признал в этой неприкаянной девочке родственную душу, слабый отголосок его собственной души, заблудившейся в веках. Однако, прежде чем избрать маленькую Лауру наследницей своей вечности, он решил испытать силу ее духа.

У Эдгара уже не оставалось терпения таиться в тени, и он шагнул в ее безоблачную жизнь, прямо на открытый солнечный свет. Он поднял девочку на руки и пытливо вглядывался, как будто надеясь вызвать призрак в ее глазах.

– Привет, – сказал Эдгар на прекрасном английском с мягким славянским акцентом. – Как тебя зовут?

– Лолли, – простодушно ответила девочка.

К несказанному ликованию Эдгара, она ничуть не испугалась. Лаура лишь слегка поерзала у него на руках, устраиваясь поудобнее, и немного отстранилась, чтобы рассмотреть незнакомца. Она уловила лишь разрозненные черты, которые сливались в нечто ослепительное, подобно солнцу, на которое нельзя глядеть без боли. Лаура залюбовалась золотистым локоном над его правым виском и не заметила ни траурного наряда Эдгара, ни мрака в омуте его глаз.

А Эдгар с любопытством разглядывал Лауру: мелкие неопределенные черты, вздернутый носик почти без переносицы, как у всех детей, светлые брови и круглые глаза, уголки которых уже начали удлиняться. Лицом она, пожалуй, напоминала Элеонору, а та Эдгару никогда не нравилась, хоть и считалась красавицей. Однако разительное сходство девочки с матерью не отпугивало его. Лаура была всего лишь чистым листом бумаги, белым воском, из которого Эдгар мог вылепить свое безукоризненное подобие.

– Послушай, Лаура, – предложил он, – хочешь пойти со мной? Мы улетим далеко-далеко, где тебя никто не найдет. Ты увидишь высокие замки, глубокие озера, снег и облака под твоими ножками...

Девочка призадумалась, стараясь представить себе снег – каков он на ощупь и на вкус, а затем отрицательно покачала головой.

– Нет, – ответила она, глядя куда-то мимо него, и Эдгар словно увидел ее глазами уютную детскую, где рядом стоят две кровати. – Если я уеду, Джемми будет плакать.

Эдгар улыбнулся ее рассудительности, но на его безупречном лбу нарисовался намек на вертикальную складку.

– Хорошо, – произнес он, – а если мы и Джемми возьмем с собой?

– Тогда расстроится папа, – поразмыслив, ответила Лаура, открывая Эдгару тайны взаимоотношений в ее семье и вновь вызывая восхищение. Эта малышка понимала в жизни гораздо больше, чем он себе представлял.

Внезапно в тонкую паутину, которую он ткал, ворвалась Джеммайма – она вихрем вылетела из-за поворота, но совсем не запыхалась, даже волосы и чулочки были в полном порядке. В руке Джемми сжимала палочку с сахарной ватой. Это лакомство было больше ее головы с кудряшками и бантом и приторно-розовым цветом напоминало ее румяные щечки. Увидев сестренку на руках у высокого незнакомца, Джеммайма опешила, и беззаботный смех смолк у нее на губах. Она оглядела Эдгара снизу вверх карими глазами – пристально, подозрительно и, пожалуй, презрительно. Эта малютка смертельно невзлюбила его не только потому, что наслу-

шалась страшных историй. Кровные узы, связующие Эдгара и Джемми, обернулись враждой с того мига, когда встретились их взгляды. Мужчина и девочка немедленно раскусили друг друга и вступили в схватку за маленькую душу Лауры.

– Лолли, кто это? – спросила Джеммайма таким преувеличенно строгим тоном, какой мог бы показаться комичным в устах семилетней девочки, если бы не ее вызывающий взгляд.

Лаура не знала ответа на этот вопрос и предпочла промолчать.

– Ах, это же наша маленькая мама, – проговорил Эдгар, обращаясь к Лауре.

Увидев такое взаимопонимание, Джеммайма вспыхнула, позабыв о вежливости, привитой с детства.

– Отпустите мою сестренку, мистер, а не то я скажу папе. – Она растерянно искала взглядом отца, но Филипп Уэйн ушел за мороженым по велению любимой жены. – А ты, Лолли, скорее спускайся, я дам тебе конфетку.

– Придумай что-нибудь получше, малышка, – ухмыльнулся Эдгар, которого весьма забавляло это смехотворное противостояние с семилетней девочкой.

Джеммайма несказанно оскорбилась: ее никто и никогда не называл малышкой. Она считала себя совсем взрослой и ответственной за несмышленную сестру. Девочка топнула ножкой и убежала, поминутно оглядываясь на мужчину с Лаурой на руках из опасения, что они бесследно исчезнут. Эдгар машинально проводил ее взглядом, и Джемми неожиданно привела его к матери девочек Элеоноре. Та сидела в некотором отдалении, и он удивился, почему не замечал ее раньше, быть может, потому, что сама Элеонора не подозревала о его присутствии. Они словно разминулись в пространстве, и Лаура, их творение, единственная связь между ними, теперь разобщала их.

Элеонора гордо восседала на скамейке под деревом – добропорядочная мать, приведшая на прогулку умильных отпрысков. Она по-прежнему выглядела молодо, но при беглом взгляде на нее Эдгар ощутил дыхание осени и уловил режущие контрасты, проступающие сквозь гляцевый блеск искусственной красоты. Элеонора предусмотрительно нарядилась в платье розового цвета, которое освежало ее бледное лицо призрачным румянцем. Свежеокрашенные волосы вбирали в себя все оттенки золотой осени, и солнце играло в их переливах, высвечивая зачатки темных корней, отрастающих медленно и как будто нехотя. На коленях лежал модный журнал – видимо, его оставил там заботливый муж, потому что утомленный взгляд Элеоноры бесцельно скользил поверх страниц, устремляясь куда-то в глубь ее темного сознания. Холодные негнувшиеся пальцы медлили перевернуть страницу, как если бы им не хватало притока крови.

Эдгару претила ее мучнистая кожа с бледными веснушками, аккуратно подпиленные ногти, обручальное кольцо на окоченевшей руке – весь этот бессмысленный маскарад. Иногда он думал, что ему следовало позволить Элеоноре умереть в ночь рождения Лауры, с тем самым скальпелем под сердцем, который направила ее собственная рука, презрев страх. Кровь, данная Эдгаром, застыла в ней, как в неживой статуе, но одного усилия его воли хватило бы, чтобы заставить двигаться поток крови, а вместе с ним и Элеонору. Эдгар мог внушить ей покой или томление, даже вынудить убивать. Однако мысли женщины были ему неподвластны, поэтому Эдгар не мог отказать себе в удовольствии проникнуть в потемки ее души и побеседовать о судьбе Лауры. Он бережно поставил девочку на землю, взял за маленькую ручку и неторопливо повел по направлению к Элеоноре.

В это время к матери подскочила Джеммайма и возбужденно зашептала, настойчиво держа ее за рукав:

– Мама, нашу Лолли похитил какой-то мужчина! Надо его остановить, пока он не забрал сестру!

– Ну что ты выдумываешь, Джемайма, – равнодушно отозвалась Элеонора, не поднимая глаз, и брезгливо отстранила дочь – она опасалась, что девочка липкими пальцами испачкает ее светлое платье.

Джемми, отчаявшись найти помощь у безвольной матери, бросилась на поиски отца.

Наконец Элеонора соизволила оторваться от бесполезного журнала, подняла тяжелые веки и рассеянно огляделась. Она заметила младшую дочь, идущую за руку с тем, кто издали показался Элеоноре сумрачной тенью среди солнечного света. Но как ни странно, она не разглядела в Эдгаре вестника из другого мира и не признала в его темном силуэте угрожающий образ из своей прошлой жизни. Элеонора наблюдала за их приближением, тщетно напрягая зрение, и ее прищуренные глаза, почти черные на солнце, напоминали пустые глазницы черепа. Она постепенно различала черты лица Эдгара, мягкое атласное мерцание его черной рубашки, изящную походку, длинные золотистые волосы, напоминающие ее собственную шевелюру. Однако локоны ее предка отличались изменчивым сиянием пламени, в то время как крашенные волосы Элеоноры отражали лишь жалкую подсознательную попытку вернуться к истокам.

Эдгар с Лаурой подошли уже вплотную к скамейке, а Элеонора все еще смотрела на мужчину с недоумением, и тогда стало понятно, что она не узнает его. Зыбкая память скрыла воспоминания об их дьявольской сделке, о риске, которому они оба подверглись в тот момент, когда растерянно балансировали между смертью и вечностью, о кровавой бездне, из которой Эдгар извлек гибнущую Элеонору, потребовав взамен ее нерожденное дитя. Что ж, он намеревался напомнить ей о себе и о том, что она должна ему.

– Добрый день, Алиса-Элеонора, – приветствовал Эдгар с издевательской любезностью, назло называя полным именем, – ты прекрасно выглядишь.

Она не хотела узнавать его, но ее глаза по капле заливала тревога, и червь сомнения начал тихонько копошиться в сердце.

– Я не знаю вас, мистер, – проронили холодные губы.

Элеонора опустила взгляд и увидела маленькую Лауру, которая стояла подле Эдгара, доверчиво цепляясь за руку и глядя на него снизу вверх. Тогда в матери вспыхнули искры ярости, и она решила выместить раздражение на дочери, перехватить ее у Эдгара и продемонстрировать свою ничтожную власть. Она резко притянула девочку к себе и с остервенением отшлепала.

– Я кому велела не разговаривать с чужими! – воскликнула Элеонора, отталкивая Лауру, но не с ленивой мягкостью, как Джемайму, а словно стараясь отшвырнуть как можно дальше от себя. – Посмотри, на кого ты похожа, настоящее пугало! Беги, поищи сестру, пусть она тебя причешет!

Лаура повиновалась и убежала, скрывая слезы, выступившие у нее на глазах от боли и незаслуженной обиды.

Эдгар с сожалением проводил ее взглядом и обернулся к Элеоноре.

– Я бы советовал тебе поласковее обращаться с ребенком.

– Вы собираетесь учить меня воспитывать детей? – сдержанно осведомилась Элеонора, словно Лаура унесла с собой весь запал ее ненависти.

– Да, если это касается моего ребенка, – ответил он с давно предвкушаемым наслаждением, хотя Лаура вовсе не была его биологической дочерью.

Кончики мертвых пальцев Элеоноры дернулись, как будто Эдгар затронул в ней неуловимую ниточку жизни, и журнал рухнул с колен, шумно прошелестев страницами и взметнув пыль, но женщина не дрогнула. Ее рука скользнула в сумочку и извлекла пачку сигарет. Элеонора по-прежнему неудержимо хваталась за них всякий раз, когда не знала, что делать и что сказать. Она попыталась заполнить паузу возней с зажигалкой, а затем, когда огонек полыхнул в изломе ее губ, глубоко вздохнула, словно вспомнила о необходимости дышать.

– Теперь я вижу, какой святой дух даровал мне это чудо! – Она даже попыталась рассмеяться, но вымученный смех погас в дымном кашле. Однако Элеонора не умолкла: – Так что тебе угодно? Ты пришел за ней? Забирай, кем бы ты ни был. – Элеонора не просто выражала согласие и безразличие, она требовала, и в этом было что-то жуткое, противоестественное.

Эдгар не думал колебаться – он давно решил судьбу Лауры, но эта женщина, лишенная памяти и сердца, будь она хоть тысячу раз его правнучкой, внушала неодолимое отвращение. Он не хотел просто забрать Лауру и уйти, оставив Элеонору спокойно нежиться на солнышке. Поэтому предпочел повести атаку в другом направлении, дабы вскрыть гнойник ее прошлого и затем отбросить Элеонору опустошенной.

– Твое хладнокровие весьма похвально, – произнес Эдгар с сарказмом. – Я вижу, ты так и не бросила курить. Что ж, это наименее пагубная из твоих привычек. Перечислить все, что я знаю о тебе? Пять лет назад ты решила провести второй медовый месяц со своим мужем Филиппом Уэйном в Румынии. Там тебя подкосил необъяснимый недуг, а затем постигла безвременная кончина, однако тебя ждала не могила, а вечное существование, которого, впрочем, ты так и не смогла понять и принять. Тебя все время влекло обратно к твоему незабвенному супругу. В своей жажде крови ты чуть не умертвила старшую дочь, Джеммайму, которой тогда было меньше, чем сейчас Лауре. Мне продолжать перечень твоих прегрешений? После девяти месяцев столь полнокровной жизни ты убила того, кто даровал тебе вечную жизнь, но это оказалось выше твоих сил, ведь он-то и был их источником. Его кровь отравила тебя и разрушала неокрепшую плоть, ты умирала, и тогда кое-кто спас тебя, влив неоскверненную кровь в твое сердце. Но ты забыла, что он сделал это не из чистого благородства. Теперь пришел черед расплаты.

Элеонора слушала его плавную речь с приоткрытым ртом, ловя каждое слово как воздух, которого ей явно не хватало. Сигарета тихо истлела в застывшей руке, и казалось, сейчас начнут тлеть пальцы, если бы они не были столь холодными. Элеонора выглянула из тени, и Эдгар увидел, какими светлыми у нее стали глаза – золотисто-карими, точно растаявший янтарь, но где-то в глубине затаился черный паучок страха. Сейчас в них не мелькало ни проблеска мысли, только безнадежная мольба.

– Прошу тебя, я не хочу умирать, – пробормотала Элеонора, – возьми ее или Джемми, если хочешь... но позволь мне жить дальше, уйди из памяти, оставь меня в покое! Ты обещал мне жизнь, пока жива она...

Эдгар ощущал стену страха, которую воздвиг перед ней, однако его цель – не запугать до полусмерти, а нечто другое.

– Я ошибся в тебе, моя дражайшая правнучка, – произнес он с металлом в голосе, – твоя вампирская ипостась действительно умерла при рождении моей Лауры. И мне противно сводить счеты с тем жалким существом, в которое ты превратилась, хотя, на мой взгляд, ты недостойна сострадания. А теперь послушай мои условия: Лаура остается с тобой, по крайней мере пока.

При этих словах что-то невероятное всколыхнулось в Элеоноре: черты ее лица жестоко исказились, зрачки расширились, из глаз выплеснулся мрак. Эта метаморфоза была узнаваема – из образцовой домохозяйки восстала ее тайная неистребимая сущность.

– Что я слышу?! – процедила Элеонора настолько чужим голосом, что даже британский акцент исчез. – Так ты не заберешь ее? Тогда я ее убью, иначе она заберет меня. День за днем эта тварь терзает меня. Я теряю вкус к жизни! Это дитя моей смерти, в ней нет ничего от меня. Я родила ее тебе и не желаю больше видеть. И найду силы уничтожить, если ты ее не примешь.

Элеонора дышала неукротимой яростью. В ее лице не осталось ничего человеческого: даже веснушки погасли на бледной коже, а с губ исчезла искусственная краска. Она давно уже была духовно мертва, ее одушевляла лишь ненависть к той частице самой себя, что вышла из нее и зажила самостоятельной жизнью. И слепой страх перед тем, что эта новая маленькая

жизнь поглотит ее собственную, обострял померкшие чувства Элеоноры и навязывал ей безжалостный нож возмездия.

Эдгар успел убедиться в существовании вампира в Элеоноре, пусть даже подсознательного, потустороннего, и ему уже наскучило слушать ее жалобы и угрозы, как и копаться в опустевшей могиле ее души. Настал момент поставить ей окончательные условия и подтвердить свою власть.

– Я вовсе не обещал тебе рай на земле, Алиса-Элеонора. Кроме того, ты нарушила наш договор и дважды пыталась избавиться от моей девочки. Да-да, мне известно и про подушку. – Его неизменно обольстительная улыбка шла вразрез с убийственными словами. – Я пришел предупредить тебя. Если ты еще раз попытаешься повторить подобное, то преждевременно убедишься в собственной смертности. Ты не нужна мне, но в тебе течет моя кровь, и, возможно, когда-нибудь ты мне понадобишься. Лаура – это твой крест, Элеонора, твоё искупление. Постарайся нести его с честью. Береги ее, твоя жизнь – в ней. И наслаждайся каждой минутой, пока живешь. Уверю тебя, это не продлится долго. Время платить по счетам еще придет. Я способен уничтожить тебя на расстоянии, для этого мне не придется приближаться. Твоя кровь, твоя жизнь напрямую зависят от меня. Если не веришь, взгляни на свое правое запястье, а теперь посмотри на меня!

Элеонора против воли подняла на него близорукие глаза. В руке Эдгара сверкнул нож с золотой рукояткой, при виде которого Элеонора испуганно вскрикнула. Она вновь ощутила прилив жгучей боли в животе и услышала собственный крик. Эдгар театральным жестом поднял руку, как будто благословляя, – сейчас он напоминал прекрасного павшего ангела, – и на его указательном пальце показалась рубиновая капля крови. Проследив за взглядом Эдгара, Элеонора завороченно посмотрела на свое запястье, которое пересекал аккуратный белый шрам. Кожа на ее руке заметно припухла и покраснела, глубокие синие вены вздулись. Из-под старого шрама хлынул поток крови, темной и горячей, словно пламя, пожирающее плоть. Элеонора ощутила власть Эдгара, который притянул ее кровь с помощью одной лишь капли, и осознала, что он может с легкостью опустошить ее, не нанося ран. Ужас поглотил Элеонору. Она даже не успела вскрикнуть еще раз, как провалилась в обморок. Внешне будто бы ничего не случилось: женщина просто откинулась на спинку парковой скамейки и закрыла глаза, подставив лицо солнцу.

Из-за скамьи выглянула Лаура, которая вовсе не убежала, а пряталась где-то поблизости.

– Маме опять нехорошо? – спросила девочка, покосившись на Элеонору.

– Она всего лишь отдыхает, моя милая, – с улыбкой ответил Эдгар. – Скоро она проснется и больше не будет тебя обижать, станет самой доброй и заботливой мамой в мире. Так ты, значит, не хочешь улететь со мной?

Лаура огляделась по сторонам, словно сравнивая этот шумный, пыльный, солнечный мир с тем призрачным покойным мраком, что предлагал ей Эдгар, и отрицательно качнула головой.

А Эдгар живо представил, какой станет Лаура, если он унесет ее прочь от бесчувственной матери. Девочка не смогла бы устоять перед его чарами – она вздохнула бы и задремала со способностью маленьких детей засыпать где угодно. Ее даже не хватило бы в этом нервном и бездушном мире, полном ежесекундных потрясений. Эдгар вырастил бы девочку вдали от этого мира, и она блуждала бы по его жизни, как ангелочек в аду. Их замок дышал бы одними цветами, с которыми она могла играть, украшая ими родные руины и незнакомые могилы. Лаура совсем не знала бы людей, только мертвые имена на надгробных плитах и призраков из памяти Эдгара. Далекие живые люди стали бы для нее бабочками-однодневками, которых приходится умертвлять с беспощадной любовью. И когда Эдгар в конце концов уподобит ее себе, Лаура вырвется из темницы и упорхнет в иной мир, на неоновый свет больших городов. Рано или поздно она возненавидит его за свое затворничество, за полную непригодность к существованию среди людей, за сокрытие от нее мира. Эдгар не хотел лишиться детства этого

обреченного ребенка, заслонить Лауре солнце и вечно видеть в ее глазах опрокинутое небо, поэтому решил не спешить.

– Скорее бы ты стала взрослой, – произнес он. – Я освобожу твою память, лишь иногда буду навещать тебя во сне. Расти и набирайся сил, дитя мира. Я буду ждать.

Он наклонился и осторожно поцеловал Лауру в лоб, стирая воспоминания о себе, оставляя в ее голове лишь образ сказочного принца, узнаваемый, но эфемерный, как мечта. Затем быстро отступил в тень. Вдалеке показалась Джемайма, которая изо всех сил тянула за руку отца. Увидев, что жена лежит без сознания, Филипп бросился к ней, приказав старшей дочери позаботиться о младшей. Джемайма, которой не нужно было повторять дважды, схватила сестренку за руку и утащила на качели.

– Кто это был? – спросил Филипп, приведя Элеонору в чувство.

– Я не уверена, – пробормотала она, привыкая к ужасной мысли, что ей придется терпеть рядом с собой Лауру, – но мне кажется, что это отец Лолли. Я не знаю его и никогда не знала. Понимаю лишь, что он не любил меня – ни капельки. И совсем не помню, как это произошло. Прости меня, Фил, но я должна была когда-то тебе признаться. Ах, лучше бы он сейчас забрал ее, навсегда, насовсем!

Филипп раздумывал всего минуту, глядя на жену, полную раскаяния и ужаса, а затем сказал:

– Ничего. Мы вырастим девочку. Лолли – моя дочь, и я всегда буду так считать.

Покидая Город ангелов и оставляя здесь частичку своей жизни, Эдгар обернулся, чтобы кинуть прощальный взгляд. Ему открылась безмятежная картина: две девочки катались на качелях, поочередно кусая мороженое. Они казались созданными с одного слепка, только у Джемаймы были каштановые волосы, а у Лауры – светлые. Противоположные черты характера не разделяли девочек пропастью непонимания. Они зримо дополняли друг друга, сливаясь в некое гармоничное двуединое существо. Лаура, еще слишком коротконогая, не доставала до земли, и Джемми раскачивала их обеих, рядом с ней младшая сестра не боялась высоты. Джемайма заразительно смеялась, и Лаура, слушая ее, тоже хохотала. Эдгар убедился, что совершил благодеяние, когда принял решение оставить девочку на попечении сестры и исчезнуть из ее жизни на целых пятнадцать лет.

– Все правильно, так и должно быть, – подумал он, улыбаясь самому себе.

На сей раз за его спиной не оставалось никаких сожалений – впервые за двести лет Эдгар был совершенно доволен собой.

Часть 1

Лаура. Калифорнийские сны

Глава 1

В ее свидетельстве о рождении значилось:

Имя: *Лорелия-Вирджиния Уэйн.*

Дата рождения: *13 апреля 1969 года.*

Место рождения: *Бухарест, Социалистическая Республика Румыния.*

Мать: *Алиса-Элеонора Уэйн, гражданка Великобритании.*

Отец: *Филипп-Джеймс Уэйн, гражданин США.*

Ее первое воспоминание – лицо матери с выражением непреодолимого отвращения на нем. Мать всегда казалась ей красавицей, хоть эта яркая красота и носила налет искусственности: волосы, окрашенные в цвет прелой осенней листвы, глаза, подчеркнутые черными стрелками. Наверное, не было еще ребенка, неискушенному взору которого лицо матери не виделось бы иконой. Элеонора стояла над детской кроваткой, ее пышные волосы, подсвеченные ночником, озаряли лицо золотым ореолом, а в руках она сжимала подушку, такую же белую, как ее кожа. Затем мать уронила подушку, и опустилась темнота.

Лаура, разумеется, не помнила, что произошло дальше. В ее подсознании затаилось ощущение удушья, ужаса и беспросветности, и это переживание осталось с ней на всю жизнь. От нее отрезали свет, и Лауру накрыла тьма, мягкая и тяжелая. Потом полог беззвучия убрали, и в глаза снова хлынул свет, уже другой: сумрачный и печальный. Девочка увидела испуганного отца, крепко удерживающего руки матери, а лицо той уже не напоминало лик Мадонны, ее сияющий ореол померк навсегда.

Следующим проблеском в воспоминаниях были карие глаза старшей сестры Джемаймы, глядящие на нее через прутья кровати, в которых светилось любопытство и восхищение. Джемми всегда опекала Лауру и стала для нее настоящей семьей вместо той, что была лишь видимостью.

Нет, Лаура не сомневалась, что их родители любили друг друга – они даже никогда не ссорились. Эта благополучная семья жила в собственном доме в районе Венис в Лос-Анджелесе. Доктор Филипп Уэйн был преуспевающим психотерапевтом, у него консультировались многие голливудские звезды. Его жена Элеонора не работала, занималась домом и еще больше – собой. Она была несостоявшейся актрисой, нашедшей себя в счастливом замужестве. В возрасте восемнадцати лет Элеонора приехала из Англии покорять Голливуд, но британский акцент и истеричный характер помешали ей преуспеть. С Филиппом она познакомилась, когда попала в клинику с нервным срывом прямо со съемок, где играла официантку. У них вспыхнул роман, результатом которого стала беременность Элеоноры и скоропалительная женитьба. Голливуд оставил в ее манерах некую театральность и капризность, что, впрочем, нравилось мужу.

Обе дочери знали, что у Элеоноры слабое здоровье, хотя она никогда не выглядела больной. Раз в месяц Филипп устраивал жену в частную клинику, откуда та возвращалась заметно посвежевшей. Кроме того, у нее был плохой аппетит. За общим столом Элеонора обычно сидела с отстраненным видом, ковыряя вилкой в тарелке или же вовсе не притрагиваясь к еде. Однако это не мешало ей в возрасте за сорок выглядеть на двадцать пять, у нее не было ни единой морщинки или седого волоса.

Старшая дочь Джемайма унаследовала все самое лучшее от родителей: озорное очарование матери, ум и целеустремленность отца. В двадцать два года она с блеском окончила юридический факультет Калифорнийского университета и готовилась начать карьеру адвоката по уголовным делам. Правда, Джемми мало соответствовала привычному образу адвоката, но ей многое прощалось за успехи. Природный каштановый цвет волос казался девушке скучным, и Джемайма постоянно перекрашивала свои локоны то в черный, то в баклажанный, то в оттенок красного дерева. Она не стеснялась носить немислимые платья с кроссовками или рокерскими ботинками, мини-юбки, облегающие лосины – все то, чем запомнилась эксцентричная мода восьмидесятых.

Сестры были очень похожи чертами лица, разрезом глаз, формой губ, а также телосложением. Но при этом Лаура напоминала бледную тень Джемаймы. То, что у старшей сестры смотрелось ярким и сочным, у младшей казалось неброским и нежным. Блондинки Лос-Анджелеса были все как одна загорелыми и спортивными, а к ее белой коже не прилипали лучи калифорнийского солнца. Лаура не признавала, что хороша русалочьей красотой севера: длинные прямые волосы, светлые брови и ресницы, беспримесно чистые голубые глаза. Но никогда не завидовала старшей сестре – та была ее кумиром, лучшей и единственной подругой.

Училась Лаура неровно, не то что отличница Джемайма. Она быстро увлекалась и столь же быстро остывала. Любила читать, могла с головой погрузиться в любимый предмет, но ненавидела зубрежку, ей не хватало усидчивости. Лаура была мечтательна и подолгу витала в облаках. Окончив школу, она так и не смогла определиться с выбором профессии. Родители не давили на младшую дочь – им попросту не было до нее дела.

13 апреля 1988 года Лауре исполнилось девятнадцать лет. Поздним утром девушка еще дремала в полумраке своих грез, спрятавшись в коконе одеяла от шума города. Она с трудом разлепила веки, даже когда в комнату ворвалась Джемайма, свежая, как апрельское утро. Вместе с ней в комнату бесцеремонно хлынули солнечные лучи и океанский бриз. Сестра раздернула занавески, распахнула окно и стянула с Лауры одеяло.

– Вставай, маленькая лентяйка! Ты же не хочешь проспять свой день рождения?

– Именно этого я и хочу, – пробурчала Лаура, жмурясь от яркого солнца и хватаясь за ускользающее одеяло.

– А я не позволю! – продолжала тормошить ее сестра. – Живо под душ! Сейчас мы выпьем шампанского и пойдем на пляж, затем пообедаем в кафе на набережной, вернемся домой, приведем себя в надлежащий вид и на всю ночь завалимся в клуб, будем танцевать до упада! Я куплю пару коктейлей, тебе ведь еще не продадут.

Смирясь с этим планом, Лаура вздохнула и села на кровати.

– Может, мы лучше сходим в кино, а вечером посидим дома?

– Ты рассуждаешь как столетняя старуха! – поддразнила ее Джемайма. – Ты не понимаешь, как важно девятнадцатилетие. Это же конец юности! Через год тебе исполнится двадцать, наступит молодость, и годы полетят, не успеешь оглянуться – и тебе двадцать пять, а там и тридцать! А ты и не увидишь ничего, кроме своей темной комнаты.

– Ладно, – рассмеялась Лаура, окончательно проснувшись. – Тебе самой только двадцать два. Вся жизнь впереди, пойдем веселиться!

Вечером, смыв с себя мокрый песок и усталость, Лаура томила в кресле, пока Джемайма завивала ее волосы в модные мелкие кудряшки. Телефонный звонок прозвучал сигналом к отбытию ежегодной повинности.

– Лора, дорогая, с днем рождения, – сказал отец с другого конца света. – Мы с мамой желаем тебе счастья и исполнения всех желаний.

– Спасибо, – ответила Лаура и ощутила, как затаилась с той стороны телефонного провода Элеонора. – Как Лондон?

Джемайма сделала вид, что не заметила, как похолодел голос сестры. Джемми предпочитала занимать позицию буфера в этой своеобразной семье. Она даже выбрала для учебы Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, чтобы не бросать сестренку одну.

Между тем Лаура вежливо выслушала рассказ отца о достопримечательностях Лондона, попрощалась и повесила трубку. Девушка знала: что бы она ни делала, между ними всегда будет пролегать мировой океан.

Вскоре обе сестры дергались на дискотеке, словно марионетки, в мерцании стробоскопов. Джемайма танцевала самозабвенно, извиваясь подобно язычку пламени, такая же гибкая и неуловимая. Завитки медно-рыжих волос вспыхивали и сыпали вокруг искры ее очарования. Мужчины вились возле нее, как мотыльки около лампы в темную ночь. Лаура старалась не отставать от Джемми, и на нее тоже обращали внимание. В бирюзовом платье с блестками, раздумываясь, с подведенными глазами и помадой на губах, она уже не смотрелась бледной копией сестры.

Лаура не привыкла к алкоголю, поэтому после пары коктейлей почувствовала легкое головокружение. Она оставила сестру танцевать и вышла подышать во внутренний двор. Меланхоличная и замкнутая по натуре, под влиянием спиртного Лаура становилась ранимой и слезливой. Приступ необъяснимой глухой тоски, называемой «одиночество в толпе», отбил у нее желание веселиться и танцевать. Лаура присела на крыльцо, готовая расплакаться, когда пожарная дверь отворилась и вышел парень. Впоследствии она не могла вспомнить его внешность, но в тот момент показалось, что он «ничего». Лаура взглянула на парня и не сумела выудить из памяти его имя. Вроде бы что-то рокошущее, начиналось на «Р»: то ли Рэй, то ли Рик, но уточнить Лаура постеснялась. Она улыбнулась ему, однако улыбка вышла жалкой.

– Ты вышел за мной, потому что тебя отвергла моя сестра?

– Нет, просто захотел покурить. – Он пожал широкими плечами и присел рядом с ней на крыльцо. – Хочешь сигарету?

– Нет, спасибо, – мотнула головой Лаура, – моя мать постоянно курит, и меня это жутко раздражает.

Он затянулся и неспешно оглядел ее с ног до головы, задержав взгляд на округлых коленях и глубоком декольте. Ноги у Лауры были недурны для ее среднего роста – достаточно длинные, с тонкими лодыжками, а пышный бюст считался гордостью многих поколений женщин ее рода.

– Ты сестренка Джемаймы? Лола?

– Лора.

От обиды она неосторожно моргнула, зажмурившись чуть сильнее, чем следовало. Еле сдерживаемые слезы соскользнули с кончиков ресниц и покатались по щекам ярко-синими ручейками, смывая тушь.

– Почему ты плачешь? – недоуменно спросил Рэй-Рик.

– У меня сегодня день рождения, – по-детски выпалила Лаура, не придумав ничего лучшего.

– И что, это повод плакать? Сколько тебе исполнилось?

– Девятнадцать.

– Вот выдумала! – рассмеялся Рэй-Рик. – Да у тебя вся жизнь впереди! Ты уже окончила школу?

– Да, почти год назад.

– И чем ты занимаешься сейчас? Учишься в колледже?

– Нет, – всхлипнула Лаура, – я не стала поступать, даже анкеты не посылала.

– Почему? Разве ты глупая?

– Надеюсь, что нет, вроде бы обыкновенная.

– И чем же ты занимаешься? Работает?

– Нет! – Лаура начала осознавать нелепость своего положения и постепенно успокаиваться.

Она достала из сумочки зеркальце, салфетку и вытерла синие разводы под глазами. Девушка вовсе не собиралась откровенничать с незнакомым парнем, но была в нем какая-то располагающая простота.

– Что же ты делаешь целыми днями, как проводишь время?

– Ну, – виновато протянула Лаура, чувствуя себя донельзя избалованной, поверхностной и никчемной, – сплю, гуляю по пляжу, езжу в Голливуд, смотрю в кинотеатрах старые фильмы – очень их люблю... Вечерами болтаю с Джеммаймой, иногда мы с ней выбираемся куда-нибудь.

– Твоя главная проблема, детка, – скука, – авторитетно изрек Рэй-Рик и закурил очередную сигарету. – Ты ничем не обременена и поэтому не знаешь, куда себя деть. А ведь живешь в стране великих возможностей. Где же твоя американская мечта? У тебя она есть?

– Наверное, нет. – Лаура задумалась, и ее взгляд затуманился, стал отрешенным. – Вся целеустремленность в нашей семье досталась Джеммайме. Мне иногда кажется, что я родилась мертвой... или уже старухой.

– Ты это брось, – сказал Рэй-Рик, выкинув окурочку и придвинувшись к ней. – Все у тебя будет так, как ты заслуживаешь. Ты хорошенькая... хоть и странная.

«Сейчас он меня поцелует», – поняла Лаура и обмерла. Она давно готовила себя к мысли, что когда-то это случится – ее запоздалый первый поцелуй, и он вряд ли будет похож на полумночные грезы. Все получится прозаично, как у большинства, с незнакомым парнем на заднем дворе ночного клуба, поцелуй с привкусом алкогольных паров и выкуранных сигарет. А потом, возможно, он позовет ее на настоящее свидание, и Лаура потеряет девственность в драйв-ин¹ на заднем сиденье автомобиля, или в мотеле, или на пляже...

«Почему бы и нет? – подумалось ей с зарождающимся цинизмом. – Он неплохой вариант».

Его лицо приближалось точно в замедленной киносъемке, и по мере того как расстояние между ними сокращалось, Лаура чувствовала, что ее кожа леденеет, а от щек отливает кровь. Она попыталась приоткрыть губы, но они словно застыли, дыхание прервалось. Лаура зажала рот ладонью и начала судорожно кашлять, так что из глаз брызнули слезы, лицо болезненно исказилось и побагровело. Рэй-Рик отшатнулся и испуганно наблюдал за приступом. Девушка билась и задыхалась у стены, уткнувшись лицом в колени и закрывшись завесой волос.

– Что с тобой? Позвать врача?

– Позови Джемми, – прохрипела Лаура.

Рэй-Рик кинулся в клуб, и в его отсутствие ей немного полегчало. Кашель почти прекратился, оставив после себя затрудненное дыхание и боль в горле. Она вытерла рот салфеткой и с ужасом увидела кровавые пятна.

«Не надо никому говорить», – всплыла в голове вкрадчивая мысль, и Лаура в смятении приняла ее за свою.

Через несколько минут пожарная дверь распахнулась, и на крыльцо выбежала обеспокоенная Джеммайма, за ее спиной маячил Рэй-Рик.

Лаура привалилась к стене, бледная как смерть, с посиневшими губами и размазанной тушью, волосы ее разметались, кружевная отделка платья задралась выше приличного. Джемми ужаснулся виду Лауры, она опустилась рядом на колени и принялась поправлять сестре платье, промокать платком глаза и щеки, убирать с лица прилипшие волосы.

– Что случилось, Лолли? Почему ты задыхалась? Ты что, закурила? – Джеммайма повернулась и обвиняюще посмотрела на Рэя-Рика, как заправский прокурор.

---

¹ Кинотеатр под открытым небом, где фильмы смотрят из автомобиля.

– И не думала даже! – От негодования у Лауры прорезался голос. – Джемми, я хочу домой.

– Хорошо, мы едем домой.

Сестра помогла ей подняться, подхватила под руки, и они направились на стоянку такси. Лауре было совестно, что она так и не попрощалась со своим первым незадачливым кавалером, но обернуться и хотя бы махнуть ему рукой не решилась. Она понимала, что он не позвонит, хотя наверняка знает телефон ее сестры.

Дома Джеммайма уложила Лауру в постель и сидела рядом, пока та засыпала.

– Это случилось с тобой впервые, такой сильный кашель? – допытывалась Джемми. – Надо показать тебя врачу.

– Не стоит! – отчаянно воспротивилась Лаура, втайне радуясь, что не сказала Джеммайме про кровь. – Я чувствую себя нормально, просто поперхнулась, только и всего.

– Но это может быть предвестником астмы... или даже туберкулеза! Ты как дочь врача должна это понимать.

– Джемми, он врач-психотерапевт, – устало возразила Лаура. Впервые дотошность сестры действовала ей на нервы. – Умоляю, дай мне снотворное, я абсолютно разбита.

– Как дочь врача-психотерапевта ты должна знать, что принимать снотворное после алкоголя противопоказано. Ты и так заснешь. Спокойной ночи!

Лаура вздохнула и отвернулась к стене. Она долго не могла уснуть – ее томил коктейль из сомнений, смутных предчувствий и опасений, злость на себя и неоправданная обида на Джеммайму, неопределенность и страх перед грядущим – словом, то, что может волновать девушку на заре юности. Неспящий город по-прежнему шумел за окном, но она, как ни старалась, не могла отыскать в нем места для себя. Лаура всерьез раздумывала о возможности поступления в колледж или о поисках работы, но не находила смысла ни в том, ни в другом. Благодаря отцу она не знала отказа в деньгах, но по-настоящему не нуждалась в них – ее потребности были скромны. Лаура не была пустой и испорченной, но считала себя таковой и в ходе столь неутихождающих размышлений вскоре стала противна сама себе. Сон подкрался на мягких лапках и начал путать ее мысли, играя с ними, словно котенок с клубком. Медленно и вязко погружаясь в водоворот сновидений, Лаура уцепилась за последнюю внятную мысль: «Что-то должно случиться...»

Сны ее были прерывистыми и беспокойными с самого детства. Она вечно куда-то бежала, спасалась от невидимого преследователя, падала в бездонную пропасть, тонула в океане. Рядом с ней всегда присутствовала какая-то тень, бестелесный дух, вторгающийся в разум. Этот сон был объемным и почти осязаемым – Лаура бежала по коридорам старинного замка и могла даже различить паутину на стенах. На сей раз она не пряталась, а искала – временами впереди мелькала белая рубашка, и девушка упорно следовала за ней, путаясь в поворотах. Наконец она очутилась в чем-то, похожем на зал, и узрела объект своих исканий. Лаура впервые видела мужчину так близко, и это оказалось столь ошеломляюще, что она застыла, как будто наткнулась на воздушную стену.

Его неуловимый образ скрывался в смутных снах Лауры, когда она металась по лабиринтам своего сознания. Сейчас же прекрасное видение стояло в кругу свечей и смотрело на нее синими глазами, а его длинные волнистые волосы окутывали плечи золотистой пелериной. Сладостный страх пополз мурашками по спине, и Лаура с трудом преодолевала тягу броситься к нему в объятия и отдаться на затянутом мглой полу. Прежде Лаура не могла прикоснуться к нему: едва она собиралась исполнить свое тайное желание, иллюзорный мир, созданный незнакомцем, разрушался вместе с дремотной дымкой, и девушка просыпалась в обыкновенной жизни. Он протянул руку, словно мост через туманную реку сна, и огладил ее бедро, это прикосновение источало обжигающий холод.

Лаура опустила глаза и со стыдом увидела, что на ней то самое бирюзовое платье, вульгарно задравшееся вопреки законам гравитации. Точно так же, как случилось накануне вечером на ступеньках клуба.

Он ослепительно улыбнулся и произнес одно слово:

– Скоро.

Воображаемый герой никогда не говорил с ней, но этот сон оказался реальнее и чувственнее, чем прежние. Лаура осмелела и спросила:

– Я вижу тебя во сне уже давно, и мне хочется верить, что ты существуешь. У тебя есть имя?

Он снова улыбнулся, отступил на шаг и начал таять в полумраке. Вместе с ним исчезла и фата-моргана – его замок, созданный из снов. Лаура с усилием выплыла из притягательного омута грез-кошмаров, от которых у нее шла кругом голова. Она открыла глаза и несколько минут лежала в оцепенении, стараясь задержать в памяти ускользающий образ. Затем повернулась на другой бок и спокойно проспала до утра.

Перед завтраком девушка вышла к почтовому ящику, повинувшись ежедневной обязанности приносить отцу свежую газету. Поскольку Филипп был в отъезде, Лаура взяла газету себе, чтобы просмотреть за чашкой кофе. Джемми уже позавтракала и уехала на практику в суд. Лениво пролистывая страницы, Лаура наткнулась на необычное объявление, в котором говорилось, что Американское этнографическое общество организует экспедицию в Румынию. Приглашаются юноши и девушки, интересующиеся культурой Восточной Европы, готовые оплатить поездку. Слово «Румыния» возымело на Лауру магическое действие: она заволновалась и вскочила со стула. «Скоро», – снова забилося у нее в висках предвкушение тайны. Она побежала к себе в комнату и достала припрятанное там свидетельство о рождении, а также справку о выписке из больницы, написанную на румынском языке. Эти документы Лаура случайно отыскала в доме пару лет назад, и с тех пор они не давали ей покоя. Однако, зная своих родителей, она не решалась на откровенный разговор с ними.

Когда Джеммайма вернулась, она увидела сестру необычайно возбужденной, с блестящими глазами и румянцем на щеках.

– Джемми, – сразу объявила Лаура, – я поняла, что хочу делать дальше! Поеду в Румынию. Я уже все выяснила, мы вылетаем, как только нам оформят визы и необходимые разрешения. Ты ведь дашь мне денег? Пожалуйста, пожалуйста!

Джеммайма, разумеется, обрадовалась, что у сестры пробудился интерес к жизни, но идея путешествия в Румынию ее насторожила. Она дважды перечитала объявление, наморщила лоб и села за стол переговоров.

– Послушай, Лора, это, конечно, здорово, что ты так загорелась этой поездкой, но мне страшно за тебя. Румыния – бедная, опасная страна под властью настоящего тирана Чаушеску². Ты девочка, не знающая языка. Ехать туда по меньшей мере опрометчиво. Я твоя старшая сестра и несу за тебя ответственность. Что я скажу родителям?

Она ожидала, что Лаура внемлет ее доводам и быстро сникнет, но сестренка, всегда такая мягкая и уступчивая, на этот раз проявила небывалое упорство.

– А ты не говори им! – упрашивала Лаура. – Им до меня и дела нет! Сейчас 1988 год. Холодная война заканчивается! В Советском Союзе перестройка и гласность. Не за горами перемены и в других государствах. Совсем скоро мир станет единым, без войн и противостояний! Кроме того, я поеду туда не одна. Со мной будут еще участники экспедиции и два куратора, которые знают румынский язык.

Видя, что Джеммайма колеблется, Лаура прибегла к последнему аргументу:

---

² Николае Чаушеску – генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии. Был казнен в 1989 году после государственного переворота.

– Ты знаешь, что я родилась в Бухаресте? Так вот, я хочу выяснить почему.

– Ты хочешь узнать, почему родилась в Бухаресте? – повторила Джемми в изумлении. – Ну наша бабушка по матери была из Румынии, она сбежала оттуда в Англию во время Второй мировой. Я слышала об этом от папы. Наверняка у матери были там какие-то дела.

– У беременной? Сомневаюсь. Я хочу узнать, что она там делала и при каких обстоятельствах я появилась на свет!

Лаура встала из-за стола и принялась нервно ходить по комнате.

– Ты ведь не думаешь, что тебя удочерили, Лолли? – с недоумением спросила Джеммайма.

– Нет, я вижу, что не приемыш. Мы с тобой похожи внешне, но я не могу понять одного: как у темноволосых и кареглазых родителей могла появиться я?

– Лолли, ты же учила биологию в школе! – рассмеялась Джеммайма. – У кареглазой пары может родиться ребенок с голубыми глазами, если в их роду были такие.

– Вероятно. – Лаура снова села за стол и уронила голову на руки, на всякий случай готовясь разрыдаться. – Но, Джемми, мне кажется, здесь какая-то тайна. И корни ее находятся в Румынии, где я родилась. Я уже позвонила в Этнографическое общество и все разузнала. Мы будем проездом в Бухаресте, я найду ту больницу, где родилась, и все выясню.

– Вряд ли тебе там что-то скажут, столько лет прошло... И ты не знаешь языка.

– Я разберусь. – Лаура наконец посмотрела на Джеммайму, решившись поделиться самым сокровенным. – Мне кажется, что у меня другой отец, поэтому мама никогда не любила меня. Возможно, он причинил ей боль... Я всегда чувствовала себя чужой в нашей семье. Если бы не ты, мне было бы совсем невыносимо!

И она умоляюще заломила маленькие ручки, совсем как Элеонора. Джеммайме стало до боли жаль сестру. Джемми ко всем относилась лучше, чем они того заслуживали, и даже к матери, которая всегда была равнодушна к обеим дочерям. Она видела, что Элеонора никого не любила, кроме мужа, но прощала ей это. И, сочувствуя терзаниям Лауры, не смогла ей отказать.

Глава 2

Румыния встретила Лауру проливным дождем. Когда самолет авиакомпании TAROM заскользил по мокрой посадочной полосе в аэропорту Отопени, все ее существо возликовало. Девушку не покидало ощущение полета – не только в физическом теле, которое только что пересекло океан, но и полета души, притянутой на родину зовом крови. Однако Лауре не удалось осуществить свой замысел. После одиннадцатичасового перелета из Нью-Йорка в Бухарест измученных участников экспедиции посадили в автобус. До пункта назначения Тульчи двести восемьдесят километров, нет смысла тратить время в этом кошмарном городе.

– После завершения экспедиции делайте что вам вздумается, – заявил руководитель Уолтер Мэйн, которого девушки сразу прозвали Зануда Уолли.

Это был невысокий властный человек за пятьдесят, с круглым брюшком и блестящей лысиной, закоренелый холостяк, одержимый страстью к культуре Восточной Европы. Он злился, потому что его помощник заболел перед самой поездкой и ему приходилось все делать самому. Девушки, основной состав экспедиции, оказались неуправляемы, самоуверенны и остры на язык. Преобладали студентки из состоятельных семей, которым казалось любопытным заглянуть за железный занавес и провести каникулы в экзотической стране. В группу входили два молодых человека, они смотрели на девчонок как на куски мяса и отпускали сальные шуточки.

В Нью-Йорке к экспедиции присоединилась еще одна участница по имени Бернадетт – у нее было французское происхождение, чем она безмерно гордилась. В аэропорту она подошла к Лауре и спросила, чем та красит волосы.

– Ничем, – растерянно ответила Лаура, и по прищуренному кошачьему взгляду француженки поняла, что только что нажила себе врага.

Бернадетт была слишком самовлюбленной и хотела оставаться единственной блондинкой если не во всем мире, то, по крайней мере, в замкнутом мирке этой экспедиции. Она то и дело стреляла глазками в сторону симпатичного Ника, и тот тоже ее заприметил.

Бухарест запечатлелся в памяти Лауры серым безрадостным городом, сырым, как отпечаток на свежем бетоне. Сквозь пелену дождя и грязные разводы на окнах автобуса она успела увидеть недостроенный Дворец народа, проспект Победы Социализма и промокших жителей столицы под темными зонтиками. Автобус быстро пересек центр города и выбрался на шоссе. Небо прояснилось, выглянуло солнце, и за окном замелькали прелестные пасторальные пейзажи. Румыния разительно отличалась от Калифорнии. Она выглядела большой деревней, бедной, но гордой. Дорога петляла серпантином по холмам сквозь туннели сросшихся над ней деревьев. Вдоль шоссе зеленели поля, паслись отощавшие после зимы коровы и овцы, пробегали бродячие собаки. Автобус то и дело обгонял повозки, запряженные лошадьми. Лица румын были смуглыми, будто прокопченными солнцем, но доброжелательными и улыбчивыми. По мере приближения к Тульче стали встречаться скалы и заболоченные озера, берега которых поросли камышом. Возле одного такого озера автобус свернул с трассы на проселочную дорогу и вскоре въехал в ворота усадьбы с нежным названием «Магдала», где и находилась гостиница.

Здание старинного особняка было возведено в стиле классицизма, без лишнего декора, строгое и изящное. Двухэтажный главный дом украшали фронтоны и белые ионические колонны. Справа и слева располагались флигели с башенками высотой в три этажа. Двойная колоннада-галерея соединяла их с главным зданием. Из комнат второго этажа имелся выход на галерею, где гости могли прогуливаться и наслаждаться прекрасными видами. Фасад отеля был обшарпан, да и вся усадьба несла на себе отпечаток запустения, но окружающая природа поражала романтической красотой. Цветущий яблоневый сад манил в глубь усадьбы, с другой стороны раскинулось озеро, заросшее белыми лилиями и желтыми кувшинками. За озером

высилась скала, на которой стоял средневековый замок, серый и мрачный, довлеющий над всей округой. В лучах закатного солнца его башня выделялась четким силуэтом, так что можно было различить зубцы.

Руководитель достал списки и начал распределять участников по комнатам. Имя Лоре-лии Уэйн шло последним по алфавиту, и ей досталась комната во флигеле, на первом этаже. Ее соседками – узницами башни стали Мариэдит, мексиканка из штата Техас, и еще одна девушка с юга. Лауре повезло одной занять целую комнату, тогда как в главном здании селились по двое – там была современная мебель и стояли две кровати.

Комната оказалась большой, а ванная – маленькой, явно встроенной в поздние времена при преобразовании особняка в отель. Стены оклеены полосатыми обоями шестидеся-тых годов. Из старинной мебели в комнате сохранилась кровать в стиле рококо – еще с колон-нами, но уже лишенная балдахина – и шкаф из темного дерева. Раскладывая вещи по ящикам, Лаура обнаружила полупустой флакон духов, очевидно, забытый кем-то из постояльцев. Из любопытства она откупорила пробку, и комнату наполнил всепоглощающий аромат сирени. Лаура поморщилась – это был любимый запах ее матери, и сейчас призрак Элеоноры возник перед ней, словно джинн из бутылки. Сама Лаура предпочитала духи с ароматом ландыша, свежим, невинным и немного старомодным. Чихнув несколько раз, она распахнула окно, за которым росло большое дерево черемухи, сплошь усыпанное белыми цветами. Неведомый ей аромат заполнил комнату, вытеснив дух Элеоноры, а благоухающие ветви потянулись в окно, словно бледные руки привидения. Лаура стряхнула с себя наваждение и отправилась в душ, оставив окно открытым.

После того как все участники экспедиции обустроились и освежились с дороги, было объявлено, что жители ближайшей деревеньки устраивают для них приветственный ужин. Во дворе «Магдалы» развели костер и поставили столы, принесли красное вино с окрестных вино-градников и мясо для жарки на углях. Гостей угостили овечьим сыром и мамалыгой – кашей из кукурузы. Почтил компанию своим присутствием и деревенский староста, человек образован-ный и весьма уважаемый. Пожилой румын хорошо говорил по-английски, слушать его было легко и приятно.

– Наша область носит название Северная Добруджа. Отсюда у нас начинается озерный край – дельта Дуная. Великая река впадает в море, разделяясь на три рукава. Вы можете зани-маться рыбалкой или наблюдать за птицами, здесь их очень много. Если повезет, встретите розовых фламинго, они любят делать передышку на болотах во время перелетов. Согласно древней легенде, озера – это драгоценные слезы богини, потерявшей своего возлюбленного. Места у нас глухие, но красивые, такого вы не увидите нигде.

– Я бывала у родственников в Луизиане, там примерно так же. Болота, только крокодилы водятся, – перебила старосту Бернадетт.

Она пребывала в дурном расположении духа из-за того, что ей не выделили отдельную комнату. Бернадетт уже успела потребовать у Зануды Уолли, чтобы ее переселили во вторую башню, но тот отказал. Одну комнату он занимал сам, а в две другие вскоре должен был заехать его новый помощник, который обещал привезти с собой именитого американского профес-сора. Уолли не терпелось поговорить с увлеченными людьми, бестолковые студенты его раз-дражали.

– Здесь рядом есть две деревушки, исконно румынская и поселение русских старообряд-цев-липовян – большой простор для изучения, – вставил он.

Особого энтузиазма эта новость не вызвала: молодежи хотелось гулять, болтать, флирто-вать и проводить вечера у костра.

– Расскажите, пожалуйста, про тот замок, – попросила старосту Лаура.

– Замок этот построен в Средние века. Долгое время им владел графский род, пока не пресекся. Это произошло в конце XVIII века. Тогда же по этим краям огнем пронеслась война

русских с турками, и замок сильно пострадал. С той поры в нем никто не жил. От времени строение разрушается и неизбежно приходит в упадок.

– А можно организовать нам экскурсию туда? Пожалуйста! – захлопала в ладоши Бернадетт.

– Нет, ходить туда не стоит. Замок большей частью представляет собой руины, жить там невозможно и даже передвигаться опасно. Но вроде бы у него есть хозяин. Никто из нас его не видел, он там почти не бывает. По слухам, он из Восточной Европы, но не из Румынии, то ли венгр, то ли поляк. Глухонемая женщина из деревни иногда навещает туда, чтобы поддерживать порядок, больше никому туда хода нет.

– А откуда взялось название нашего отеля «Магдала»? Это имя хозяйки? – задала вопрос одна из девушек.

– Особняк возвели в конце XVIII века. Более двадцати лет назад владелец решил открыть в нем гостиницу, здание заново отделали и оборудовали ваннные комнаты. Сейчас фасад немного облупился, но внутри все прилично, что вы, надеюсь, оценили. Как отель особняк существует многие годы, но постояльцев мало. Море отсюда далековато, а любителей болот и скал еще надо поискать.

– Ага, оценили, – недовольно пробурчала Бернадетт. – Мы живем парами, и при этом у нас всего две ваннные комнаты на этаж, а кто-то шикует в башне один и с собственной ванной!

– Разве у вас не все принадлежит правительству? – уточнила Лаура, успев перед поездкой изучить детали государственного устройства Румынии.

– Формально да, но деньги решают многое. Бывший владелец приехал из Турции. Как говорят, потомок того самого турка, который и построил особняк. Название «Магдала» он дал дому в честь своей невесты, она была дочерью графа из вон того замка. Тогда вся эта земля находилась под властью турок. Граф платил им дань и не мог отказать. Когда он умер, свадьба еще не состоялась. А вскоре померла и невеста.

– От чего же она умерла? – спросила Лаура.

Эти истории ее увлекали и будоражили воображение.

– Ее убили вампиры, – ответил староста с серьезным видом.

– Вампиры? – рассмеялась Мариэдит. – Это граф Дракула и компания?

– Ну у нас не Валахия или Трансильвания, Влад Цепеш здесь не бывал, но вампиры водились. Двести лет назад случился самый мощный мор от них. Все обитатели замка погибли. Слава богу, уже двадцать лет как спокойно в этих краях.

Никто не воспринял его слова всерьез, особенно про двадцать лет, ведь это совсем недавнее прошлое, когда никаких вампиров существовать не могло.

Староста вдруг взгляделся в лицо Лауры, словно стараясь что-то припомнить.

– Скажите, я не мог вас где-то видеть?

– Нет, я здесь впервые и никогда раньше не выезжала за границу, – пожала плечами девушка.

Староста кивнул, но призадумался и больше ничего рассказывать не захотел. А молодежь продолжила пить и веселиться, принесли гитару. Они строили планы, то и дело раздавался смех. Тем временем помрачневший староста наблюдал за белокурой девушкой в клетчатой рубашке и потертых джинсах, чьи волосы золотились в пламени костра, совсем как у той, *другой*. Только когда она с аппетитом прожевала пару кусков жареного мяса и запила бокалом вина, он тихо пробормотал:

– Слава богу, померещилось.

Но Лаура этого не расслышала и не обратила внимания, будучи оживленной и веселой как никогда. Девушка разругалась от тепла и вина, не чувствовала усталости и с улыбкой слушала, как Пол играет на гитаре ее любимую песню *California Dreamin'*³.

В одиннадцать часов Зануда Уолли объявил отбой, костер потушили, деревенские отправились домой, а американцы разошлись по комнатам. Два бокала вина, выпитые Лаурой, приятно кружили голову. Все еще улыбаясь, она разделась и натянула на себя длинную футболку с символикой британской рок-группы – прошлым летом они с Джемми ходили на концерт. На футболке были изображены накрашенные губы с витиеватой надписью *Kiss Me Kiss Me Kiss Me*. Лаура забралась в огромную кровать, пахнущую пылью и сушеной лавандой, свернулась клубочком и тут же заснула безмятежным сном.

Проспала она около часа. Полная луна взошла над вершинами деревьев, заглянула в окно и скользнула ласковым лучом по щеке Лауры. Поцелованная луной, девушка резко села на кровати. После вина хотелось пить, она потянулась, чтобы взять бутылку с водой, но посмотрела в сторону окна и замерла. Легкий ветерок шевелил тюлевые занавески, и в окно лезли белые ветви черемухи, осыпая пол лепестками. В переплетении лунных бликов лепестки складывались в причудливый узор, так что можно было прочесть имя «Эдгар». Ошеломленной Лауре почудилось, что она все еще во сне. Как сомнамбула, она поднялась с кровати и подошла к окну, не надев тапочек, – о таких мелочах во снах не заботишься, хотя она ненавидела ходить босиком. Ей не пришлось в голову открыть дверь, запертую изнутри. Лаура отодвинула занавески, легко перемахнула через подоконник и очутилась во дворе.

Ночь была нежна, полна трепета, шорохов и шелеста, а коварный аромат черемухи туманил разум и вызывал в теле смутное томление. Лаура подняла голову: она никогда не видела такую огромную луну, казалось, стоит протянуть руку – и можно дотронуться до нее. Сад наводнил лунный свет, но не прохладный, а пьянящий и чувственный.

В тени дерева стоял Эдгар, похожий на принца из сказки, в старинном костюме из серебристо-серого атласа. Его распущенные светлые локоны ниспадали на плечи, и лепестки черемухи медленно осыпались, путаясь в волосах, как летающий снег. Лаура молчала, чтобы не спугнуть сновидение. Их разделяло несколько шагов, долгих и непреодолимых, как вечность. Она узнала мужчину своей мечты и ступила ему навстречу, словно поплыла по лунным волнам. Он галантно протянул руку, и слабый намек на улыбку скользнул по его губам. Их пальцы соприкоснулись, и в следующий миг Лаура провалилась в его объятия. Эдгар с нечеловеческой силой дернул ее в глубь двойной колоннады, увлекая во мрак.

Лаура стукнулась головой о колонну, и перед глазами заплясали темные мушки. На «Магдалу» опустилась мертвенная тишина, морок был таким мощным, что даже птицы умолкли. Соловей, заливисто певший в кустах, словно поперхнулся и оборвал песню на полуноте. Две пары голубых глаз встретились: у Лауры они имели оттенок безоблачного летнего неба, а у Эдгара казались темными и таинственными, с поволокой, их цвет напоминал ночное озеро, пронизанное лунными лучами.

Эдгар вжал девушку в колонну и посмотрел сверху вниз – он был больше чем на голову выше нее. Его лицо выглядело так сурово и прекрасно, что Лауре сделалось страшно: оно дышало злом и неизбывной жадой. Глаза Эдгара оставались холодными и загадочно мерцали в полумраке. Отразив луну, в его руке сверкнул нож, неумолимо приближаясь к горлу девушки. Сердце у Лауры замерло и ухнуло вниз, но через миг промедления она посмотрела ему прямо в глаза и рукой откинула волосы, обнажая шею. Затем покорно опустила взор, готовая умереть, если на то будет его воля.

Рука Эдгара с ножом опустилась, взгляд смягчился, и он застыл в нерешительности. Такое обреченное смирение было выше его понимания, он явно не ожидал подобного. Эдгар

³ *California Dreamin'* – нестареющий хит 1966 года группы The Mamas And The Papas.

крепче обнял девушку, ледяные губы поцелуем скользнули по ее шее, отыскивая трепетно бьющуюся жилку. Несколько мгновений он сладостно медлил и прислушивался к волнующему стуку ее сердца. Эдгар испытывал благоговение перед человеческой природой Лауры, порхающей бабочкой ее быстротечной жизни.

Лаура ощутила его дыхание, нежное и прохладное, как ночной ветерок. От блаженства она расслабилась и зажмурилась, и тогда его клыки впились в ее шею. Девушка задохнулась собственным вдохом и даже не успела вскрикнуть. Боль была резкой и молниеносной, но тут же отступила, и шея онемела, точно покрытая коркой льда. В недвижимом воздухе разлился запах крови, он смешивался с дурманящим ароматом черемухи и вонзался ей в виски. Лаура запрокинула голову и вознеслась взором к луне. С каждой утраченной каплей крови ее душа воспаряла и все сильнее отрывалась от земли. Не желая расставаться с душой, Лаура судорожно обнимала Эдгара и цеплялась за него, как за жизнь. Ее кровь взволновалась и устремилась к нему, их сердца забились в унисон. Заключенная в кольцо его рук, Лаура смотрела на небо сквозь ветви черемухи. Ей мнилось, что она поднимается к звездам со дна темного колодца.

Лаура не подозревала, что ее кровь несла в себе наследие веков и была драгоценна для Эдгара в каждой капле. В венах этой девушки смешался редчайший коктейль из крови трех вампиров. Эдгар различил металлический привкус крови своего древнего врага, а также послевкусие крови Элеоноры, еще близкой к человеческой, но уже перерождающейся в жидкий огонь. И главное – ощутил радость узнавания своей собственной крови – его жизнь воссияла прежним светом через кровь Лауры. Он упивался ею, наслаждался, не позволяя пролиться ни единой капле, и только когда почувствовал, что все, хватит, с усилием оторвался от источника своей жизни.

От непреодолимой слабости Лаура пошатнулась, скользнула вдоль колонны и упала бы, если бы Эдгар не подхватил ее и не опустил на траву. Она лежала на мягком зеленом ковре, ночная роса холодила кожу, и над ней медленно вращался небосвод, закручивая звезды спиралью вокруг луны. Черемуха снегопадом сыпала на Лауру лепестки, они парили в лунном небе над ней, ядоносные и пахучие. Плавно кружились, и девушка видела каждый из них, неповторимо прекрасный в своем последнем танце. Ее душа тоже готовилась к таинству, дабы отлететь и освободиться от брэнности мира.

Эдгар смотрел на Лауру, согретый ее жизнью, колеблясь и что-то решая. В мужчине неожиданно пробудились желания, которые не тревожили его более двухсот лет. Он ощутил потребность замкнуть круг, овладеть телом Лауры так же, как он вобрал в себя ее кровь, слиться с ней воедино. Хотя ему было страшно коснуться ее сквозь прах мертвых веков, жажда обладания этой девушкой оказалась нестерпима. Эдгару захотелось попробовать ее, пока она еще человек. Он был бессилен противиться искушению и при этом не мог найти себе оправданий. Эдгар стоял над телом Лауры, полуобнаженным и соблазнительно доступным, и раздумывал. Его осенила спасительная мысль: все поврежденные ткани у вампиров восстанавливаются, и, если не сделать ничего до обращения, то вполне вероятно, что она останется девственницей навечно – и это станет проблемой для нее. Эдгар улыбнулся и опустился на колени рядом с Лаурой, не жалея своего светлого костюма. В конце концов, он брал все то, что искренне считал своим по праву.

Лаура ощутила его желание, почти осязаемое и настолько сильное, что ему было невозможно противостоять. Их словно укрыл непроницаемый полог ночной мглы, даже воздух вокруг стал плотным и зазвенел от напряжения. Лаура спокойно наблюдала из-под полуприкрытых век, как загадочный незнакомец стянул с нее трусики, развел ее ноги в стороны и согнул в коленях. От его прикосновений по коже бегали мурашки, и девушка почему-то не боялась Эдгара. Кровь связала их, и то, что происходило сейчас, казалось естественным и неизбежным. Когда он склонился над ней, его глаза были синее неба, в них плескалась ночь. Эдгар ласково дотронулся до ее щеки, погладил другой рукой по оголенному бедру и произнес:

– Не бойся, тебе не будет больно.

Она зачарованно любовалась танцем лепестков черемухи и только немного поморщилась от давления на ее лоно. Он оказался прав: Лаура не почувствовала боли, даже когда он посильнее нажал. Вместо боли она уловила лишь отголоски, как от лопнувшей вдали струны. Эдгар начал двигаться внутри нее, преодолевая сопротивление упругой девственной плоти, перекраивая ее под себя. Глубокие толчки рождали в Лауре теплые волны, и эти приятные ощущения отзывались сладостной дрожью в теле. Она смежила веки и безмятежно качалась на этих волнах, ничему не удивляясь. Грань между сном и явью размылась, и Лаура с готовностью отдавалась прекрасному принцу. Только шею немного саднило, а от места укуса медленно разливался холод, подбираясь к сердцу. Этот контраст мороза по коже и приливов жара внутри придавал ощущениям особую остроту. Когда Лаура наконец посмотрела на Эдгара, она увидела, что его глаза стали черными – тьма расширившихся зрачков затмила синеву глаз и ясность разума.

Эдгар приподнял ее ноги, плотно прижал к своему телу и полностью соединился с ней, проникнув на предельную глубину. Два столетия меж ними схлопнулись, ночь взорвалась мириадами звезд, и Эдгар возжелал, чтобы это длилось бесконечно. Он застонал от наслаждения и удовлетворенно улыбнулся, когда девушка тоже издала слабый стон, по ее телу пробежала судорога. Лаура постигла таинство этого сакрального момента и была неописуемо прекрасна сейчас, накануне перерождения. Юная плоть и кровь Лауры опьяняли Эдгара, и он с глухим рычанием снова впился в ее шею. Она стала его добычей, долгожданной и вожделенной, и вампир был в миге от того, чтобы досуха выпить жизнь любимого существа. Луна над головой девушки померкла, словно выключили фонарь. Темные волны, на которых качалась Лаура, сомкнулись над ней, она камнем легла на дно колодца и утратила себя.

Эдгар мгновенно почувствовал, что теряет ее. Он встал рядом с Лаурой на колени, слушая ее пульс. И ощутил, как ускользает нить ее жизни – тоненькая и непрочная, она могла оборваться в любой миг. На лице Лауры стыла воздушная красота отлетающей души, предназначенная для небес. Эдгар достал нож и сделал аккуратный надрез на ее левом запястье, подобный оставил и на себе, а затем соединил их руки. Однако вены девушки плохо принимали его кровь. Он поднял голову к луне и увидел, как на ее мраморно-белой поверхности расплывается неясное пятно, очень похожее на кровавое, от чего сияние стало страдальчески розовым. Но лицо Лауры не порозовело даже под влиянием этого света.

Эдгара не устраивал такой исход, его захлестнула жалость. Нашупав слабый пульс на шее – к счастью, он еще не пропал, Эдгар осторожно завернул тело Лауры в свой плащ, принял в объятия и взмыл в безоблачную высь – туда, где находился замок. Он поклялся самому себе, что ни за что не позволит ей умереть, его бесценная Лаура будет жить любой ценой.

Глава 3

Когда Эдгар внес Лауру в замок на руках, он был близок к отчаянию. Она еще дышала, но Эдгар боялся, что не справится и не сможет вдохнуть в нее новую жизнь. Он изначально сделал все неверно: слишком быстро, не за три раза, как положено, а за один, понадеявшись на ее врожденный дар – вампирскую кровь. Не рассчитал свои силы, увлекся, был непростительно самоуверен. Поглотил слишком много крови, и вот теперь она умирала в его объятиях. Так досадно выжидать девятнадцать лет, чтобы все потерять за одну ночь. Эдгар положил Лауру на кровать и осторожно разрезал ей второе запястье, снова пытаясь передать свою кровь. Она впитывалась, но очень медленно, и по каплям вытекала обратно. Эдгар обреченно вздохнул: у него имелся запасной план, в котором, однако, не было ничего привлекательного, – Элеонора.

Эдгар знал, что все эти годы Элеонора не убивала. Раз в месяц, в полнолуние, ее муж Филипп, пользуясь служебными связями, переливал ей донорскую кровь, и Элеонора держалась. Она была слаба и не развивалась как вампир, но эта выхолощенная кровь сохраняла в ней видимость жизни. Эдгар искренне недоумевал, зачем Филипп тратит столько усилий, чтобы оберегать пустую оболочку Элеоноры, да и вообще, зачем ему такая жена, красивая и не стареющая, но лишенная человечности. Сам Эдгар не представлял себя рядом со смертной женщиной – слишком велика была бы пропасть между ними. Именно потому он не медлил и сразу обратил Лауру, забрав на свою сторону реальности. Однако Филипп Уэйн двадцать лет провел в одной постели с вампиром, и, по всей видимости, ему это нравилось. Воистину, то была любовь, причины которой не требуют объяснений.

Эдгар подошел к большому старому зеркалу и окровавленной рукой дотронулся до него. Стекло затуманилось, и в глубине зеркальной глади возникла Элеонора. Он увидел ее в лондонской квартире, отдыхающей на кровати с книгой. Оторванная от взрослых дочерей, женщина явно наслаждалась уединением с Филиппом – предметом своего обожания и обладания. Но сейчас мужа не было дома.

Увидев, как поплыла поверхность ее большого зеркала, Элеонора в изумлении поднялась с кровати и подошла к нему. Она близоруко прищурилась – без притока живой крови зрение у нее снова ухудшилось – и рассмотрела знакомую комнату, в которой неоднократно бывала. Ее нелюбимая дочь лежала на кровати, бледная как мертвец. Эдгар вернулся к своей жертве и присел рядом, соединив порезы на их запястьях. Элеонора заметила ранки на шее дочери, оценила обстановку и удовлетворенно улыбнулась.

– Какая прелесть! – воскликнула она, привычно заломив руки в манере бывшей актрисы. – Значит, ты добился, чего хотел! Что ж, поздравляю! Будьте счастливы вместе!

Эдгар оглядел эту женщину: она была ему омерзительна, невзирая на их общую кровь, ее красоту и ухоженность. В ожидании мужа Элеонора облачилась в шелковую пижаму лилового цвета, который ей удивительно шел. Эдгар даже почти ощущал густой аромат сирени, исходящий от нее.

– Послушай, дорогая, – вкрадчиво начал он, – мне требуется твоя помощь. Видишь, твоя дочь умирает. Прошу тебя, отвори свои вены и дай ей немного крови.

Алый рот Элеоноры в негодовании округлился буквой «о», она подняла аккуратно выщипанные брови и торжествующе рассмеялась.

– Ах, значит, дорогая? Ну уж нет! Ты когда-то сказал мне, что придет время платить по счетам. Так вот, я думаю, что давно с тобой рассчиталась!

Эдгару потребовались все его силы, чтобы удерживать перед ней бесстрастное выражение лица.

– Каким образом? Ты дала мне обещание, что будешь заботиться о ней. Вместо этого была самой отвратительной матерью, которая встретилась мне за двести лет!

– И ты еще смеешь в чем-то упрекать меня?! – возмутилась Элеонора. – Я родила ее для тебя! Не бросила в Румынии, не выкинула на улицу. Я вырастила ее! Воспитала! Она жила на всем готовом, ни в чем не зная отказа. Ты ее хотел – ты ее заполучил! Теперь она всецело твоя забота, а меня оставь в покое!

– Ты лишила ее самого главного – материнской любви! Сделай для нее хоть что-то! Дай ей немного своей крови, просто порежь запястье. И все.

– Нет, я этого не сделаю, – злорадствовала Элеонора, – я не хочу.

– Как ты можешь быть такой бесчувственной? – не понимал Эдгар. – Она ведь твоя дочь!

– Она мне не дочь! – истерично закричала Элеонора, и ее красивое лицо безобразно исказилось. – Она чудовище! Ты навязал мне ее, и я жила рядом с ней как в аду. Я ненавижу ее! Даже не представляю, откуда она взялась. Я толком не помню, что произошло в этой комнате. Кто ее отец – Низамеддин или, может быть, ты?

От этих слов Эдгара передернуло.

– Не говори глупостей. Отец у нее может быть только один, и тебе это прекрасно известно.

Однако в пышной груди Элеоноры kloкотала негасимая злость, и ничто не могло утолить ее жажду отмщения.

– Вы двое лишили меня всего! – кричала Элеонора. – Из-за вас я вынуждена влачить это жалкое существование без еды и сна! А она была живым напоминанием об этом кошмаре!

– В том, кем ты стала, моей вины нет, ты знаешь, – мягко возразил Эдгар, – не я обратил тебя. Я только помог, когда ты погибала и нуждалась в помощи.

– Ты сделал это не ради меня, а ради нее! – Руки Элеоноры взметнулись к вискам, а в желтых глазах заплескалось безумие. – Ты получил свою плату. Вот и забирай ее со всеми потрохами, живую или мертвую!

Уговаривать Элеонору было бесполезно, даже если бы он стал умолять, она бы только еще больше позлорадствовала. Это была ее месть. А между тем кровь из запястий Лауры перестала сочиться, и пульс на шее уже не прощупывался. В распоряжении Эдгара оставалось всего несколько минут, пока ее мозг не умер, в противном случае он получил бы вурдалака безумнее Элеоноры.

Эдгар все же предпринял последнюю попытку.

– Тебе совсем не жаль ее?

– А тебе? Что-то я не вижу в тебе жалости к ней.

Ее бездушная сущность отталкивала, но Эдгар сознавал, что Элеонора права, и это бесило его еще больше. Он отпустил руку Лауры, подошел вплотную к зеркалу, столкнувшись с Элеонорой взглядами, и произнес:

– Возможно, но я люблю ее.

Элеонора поздно сообразила, что не следовало подпускать Эдгара близко – она полагала, что через тысячу километров он не сумеет добраться до нее. Она отступила на несколько шагов, схватила стул и замахнулась в яростном порыве разбить проклятое стекло, но опоздала. Пальцы у нее разжались, стул с грохотом упал на пол, а сама она рухнула на колени.

Эдгар стоял за границей миров, и сила вскипала в нем – свежая кровь Лауры придавала ему сверхъестественную мощь. Глаза потемнели, в них загорелся мрачный огонь. Он поднял руку, и пальцы его казались сплетением тьмы и пламени. Острый нож прилетел из кухни и упал перед Элеонорой. Она тихо вскрикнула, но уже не могла бороться с волей своего могущественного предка. В венах Элеоноры текла его кровь, и во власти Эдгара было ее притянуть. Пытаясь сопротивляться, женщина подняла нож, и ее рука дрожала, когда она подносила острие к левому запястью. Через силу Элеонора сделала глубокий надрез, а затем полоснула и по правой руке. Алые слезы хлынули у нее из глаз одновременно с кровью из вен. Крови было много – как раз днем, перед полнолунием, ей сделали донорское вливание. Элеонора бессильно опустилась на пол, кровь клубилась вокруг нее, как дым, испаряясь и преломляясь

сквозь пространство. Через несколько минут от моря крови не осталась и следа, кроме багровых пятен на ее дорогой пижаме. Зеркальный портал насытился жизненной силой Элеоноры и растаял, вычерпав ее до дна.

Женщина лежала в изломанной позе, ее белая плоть высохла, в лице не осталось ни кровинки, а в глазах потух свет. Нет, она не превратилась в старуху, но когда все же нашла в себе силы повернуться к зеркалу, увидела, что наконец выглядит на свой возраст. Такой ее обнаружил Филипп – распростертой на липком полу, сломленной и постаревшей. Он в ужасе опустился на колени и склонился над женой:

– Что случилось, Элси?

– Вот и все, дорогой, – выдохнула Элеонора и дотронулась до его лица обескровленной рукой, – все кончено.

А тем временем в далекой Румынии Эдгар так же стоял на коленях перед кроватью, где лежала Лаура в светлом ореоле окровавленной невинности. Раны на ее запястьях затянулись, и шрамы стали как будто отполированными. Эдгар с облегчением прижал ее руки к губам и произнес, как заклинание:

– Во имя нашей общей крови, скрепленной веками, что связала и разъединила нас во времени! Во имя всей пролитой крови, что теперь иссушена и забыта, которой ты питалась в материнской утробе! Во имя твоей собственной крови, что сейчас поддерживает мою жизнь! Воскреси в себе жажду жизни, чтобы восполнить ее свежей кровью! Живи, Лорелия-Вирджиния!

Дальнейшая судьба Элеоноры Эдгара не заботила – он не был уверен, что та умрет, но видел, что жертва принесена не напрасно. Эдгар, пожалуй, с радостью избавился бы от нее, уж слишком она утомительна. Он брезгливо поморщился, отгоняя воспоминание об Элеоноре, и обратил все свое внимание на ее дочь.

Эдгар приготовил ванну, раздел Лауру и погрузил в воду обнаженное тело. Она выглядела мертвой, бледная и холодная как мрамор. Эдгар аккуратно смыл запах костра с ее волос и следы крови с бедер. Обрядил Лауру в белое атласное платье, расчесал ее длинные волосы и уложил на кровать. До утра он сидел в кресле и не сводил с нее взора, опасаясь пропустить малейшее изменение в чертах.

Когда небо за окном начало светлеть, Эдгар осторожно прилег рядом, оберегая ее покой. Заря погрузила его в оцепенение, на несколько часов превратила в мертвеца, такого же, каким сейчас являлась Лаура. Когда же солнце взошло и убийственный рассвет отступил, вампир пробудился ото сна и продолжил следить за состоянием любимой. Она была первой жертвой, обращенной им, и Эдгар переживал, удалось ли ему осуществить свою мечту, не уничтожил ли он ее душу. Последующий день прошел в томительном ожидании воскрешения, пока Лаура неподвижно лежала в саване сна.

Стемнело, и в комнату через готическое окно вошла луна. Она залила стены рассеянным серебристым светом, добралась до кровати, где покоилась Лаура, и тронула ее сомкнутые веки. Девушка шевельнулась и судорожно поднялась, как манекен. Эдгар сидел на краю постели и смотрел на Лауру томным взглядом, мерцающим в полумраке, но в нем уже не отражалась страсть – она была утолена. Затем он подался вперед, очутился в полосе лунного света и медленно повернул к Лауре свое красивое лицо – сначала в профиль, потом вполоборота и, наконец, в анфас, давая возможность рассмотреть его. Эдгар должен был проверить, что осталось от ее личности после долгих минут пребывания за гранью смерти.

– Попробуй встать, – без предисловий велел он.

Лаура попыталась, но ей это не удалось – она свесила ноги с кровати и выжидающе посмотрела на Эдгара пустыми глазами.

– Хорошо, – печально вздохнул он. – А теперь постарайся дотронуться до кончика носа. Одной рукой и другой.

Лаура выполнила его приказание, а затем рывком встала на ноги. Она ощущала странную скованность во всем теле, невесомую слабость и какую-то затуманенность сознания, как во сне. Голова закружилась, живот скрутило болезненным спазмом, и девушка зажала руками рот, беспомощно глядя на Эдгара. Он все понял и показал:

– Ванная там.

Лаура вбежала туда на негнущихся ногах, захлопнула за собой дверь, и ее вырвало всем съеденным и выпитым накануне. Какое-то время она стояла на коленях, опустошенная, прижавшись лбом к холодному краю ванны, и постепенно к ней возвратилась ясность разума. К ее удивлению, в замке помимо ванной оказался водопровод и даже раковина с краном. Лаура умылась, прополоскала рот и вернулась в спальню со словами:

– Какой явственный сон.

– Быть может, потому, что это и не сон вовсе? – ответил Эдгар и с облегчением улыбнулся. – С пробуждением, Белоснежка.

Лаура медленно оглядела замковую комнату с камином, большую кровать с резными столбиками, стрельчатое окно и самого Эдгара в призрачном свете луны. Сегодня он облачился во все черное: старинный шелковый камзол из прошлых веков, и даже рубашка с пышным жабо была черная.

– Я бывала здесь раньше, – задумчиво проронила Лаура.

– Да, только во сне. Теперь ты вступила в вечность, прелесть моя. Ты больше не человек.

– Как это? – глупо спросила она.

– Ты мертвая, разве не чувствуешь?

Эдгар сел рядом, взял ее руку и повернул ладонью вверх. Рука Лауры казалась неживой, вены не отливали оттенками синего и зеленого, а были полыми. Запястье пересекала аккуратная ниточка шрама.

– Отныне все жизненные силы у тебя – заемные, – пояснил Эдгар. – Ты не будешь стареть и никогда не умрешь. Точнее, убить тебя можно, но это очень непросто. Ты вампир, душа моя.

Она поверила Эдгару сразу и безоговорочно, возможно, потому, что он исподволь готовил к этому Лауру всю ее короткую жизнь.

– Что же мне теперь делать? – пробормотала девушка в растерянности, чувствуя свое бессилие и абсолютную безысходность ситуации, в которой оказалась.

Эдгар пожал ее холодные пальцы, в глазах его призывно засиял свет луны, а по губам скользнула улыбка падшего ангела, манящего в бездны запретных наслаждений.

– Следуй за мной и слушайся во всем, Лаура, – изрек он повелительным и в то же время завораживающим голосом. – Я позабочусь о тебе и подарю целый мир. Ты станешь сильной, неуязвимой и никогда больше не почувствуешь боли. Никто на этом свете не сравнится с тобой. Тебе понравится, обещаю. Я научу тебя жить, покажу настоящую жизнь.

В тот момент Лаура не могла и не хотела противиться многообещающему очарованию Эдгара. Она находилась полностью под его влиянием, словно пребывая в дурманном сне, и в душе не шевельнулось даже намек на протест. Непривычное европейское звучание ее имени, с ударением на первый слог, смутно отозвалось в памяти Лауры. Она точно слышала, как он звал ее этим именем, но не могла вспомнить, когда это было.

– Мне нравится, как ты меня называешь, – сказала она Эдгару, когда он вел ее за руку по коридору, и сумрачно улыбнулась, – по-моему, это красиво.

Они вышли из замка на край скалы, где была выложена камнями смотровая площадка, которая наверняка понравилась бы туристам. Внизу простиралось озеро, над ним клубился густой туман, а чуть в стороне белел силуэт «Магдалы».

Лаура, осознав намерения Эдгара, пугливо попятилась от края.

– Подожди, я боюсь высоты.

– Отныне и вовек ты не должна ничего бояться, – ласково возразил ей Эдгар. – Со временем ты сможешь сама подниматься в воздух и даже летать, когда захочешь. Если боишься, закрой глаза. У нас слишком мало времени, чтобы ходить пешком.

Лаура зажмурилась, обняла его за шею, и их ноги оторвались от земли. Эдгар крепко держал свою ношу, его руки источали тепло, а от камзола веяло изысканным, чуть старомодным ароматом жасмина. Близость Эдгара волновала Лауру, она положила голову ему на плечо и поневоле доверилась своему учителю. Постепенно тело расслабилось в его надежных объятиях, и Лаура осмелилась открыть глаза. Ощущение полета поневоле захватило ее, стоило лишь забыть, что под ногами пустота. Полная луна сияла над ними, а внизу серебрилось озеро, на глади которого сквозь туман Лаура различила белые лилии и желтые кувшинки – ее зрение стало острее.

Наконец они мягко опустились на траву во дворе «Магдалы», где все осталось неизменным: так же цвела черемуха, трепетали занавески, и дверь в комнату Лауры была по-прежнему закрыта изнутри. За минувший день девушки даже не хватились.

– Мне снова придется лезть через подоконник? – наивно спросила она и покосилась на окна.

– Не сейчас, – ответил Эдгар, – нам наверх.

В комнату Лауры был отдельный вход, а в две верхние вела неосвещенная лестница. Они бесшумно поднялись на третий этаж и вошли в комнату Мариэдит. Та спала на боку, повернувшись лицом к двери, темные волосы рассыпались по белой подушке. Эдгар неслышным шагом приблизился к ней, нажал на сонную артерию на шее и обернулся к Лауре.

– А вот теперь мы подошли к главному, моя дорогая. Тебе придется умертвить эту девушку, вобрать в себя ее жизнь. Выпей ее кровь, не всю – столько нам не требуется. Ты почувствуешь, когда сердце жертвы начнет останавливаться, тогда прекращай. Не волнуйся, она не проснется.

Мысль о том, что ей придется подойти к Мариэдит и выпить кровь девушки, не сделавшей ей ничего плохого, такой же, как она сама, показалась Лауре невыносимой.

– Нет, я не смогу, – прошептала она, вжавшись в стену и в ужасе переводя взгляд с Мариэдит на Эдгара, – я никогда не смогу этого сделать.

Лаура слышала ритмичное биение крови в теле Мариэдит, и это разжигало в ней жгучую, нестерпимую жажду. Грудь судорожно вздымалась, сердце билось болезненными толчками и чуть не выпрыгивало через горло. Видя ее колебания, Эдгар подошел к Лауре и порывисто сжал бескровные руки.

– Послушай меня. Если ты не сделаешь этого, наутро умрешь. Сейчас ты чиста, как пустой сосуд, это наполнит тебя новой жизнью. К утру силы иссякнут, и ты станешь холодным трупом. Ты можешь точно так же умереть и не проснуться.

Лаура попыталась заплакать, но слез у нее не было ни капли, вместо этого пришлось отчаянно замотать головой.

– Нет, ни за что! Я не могу! Пожалуйста, не заставляй меня!

– Хорошо, – зловеще проговорил Эдгар.

Он отвернулся и снова подошел к кровати, извлек нож и молниеносно сделал небольшой надрез на шее Мариэдит. Лаура тихо вскрикнула, но не смогла отвести взгляда. А Эдгар припал к ране, затем развернулся и резко схватил Лауру, впечатав в стену. Она не сразу разгадала его замысел, когда он прижался к ней всем телом и впился в уста. Губы Эдгара были бархатисто мягкими, но неумолимыми. Лаура почувствовала себя беспомощной, связанной темнотой его близости, и принялась вырываться изо всех своих слабых сил, но было поздно. В растерянности девушка приоткрыла рот и вкусила крови в этом поцелуе, обволакивающем, как тягучий мед. Теплая кровь хлынула из уст Эдгара в горло Лауры, пьяняще сладкая и живительная, она обжигала, лишая возможности дышать. Эдгар продолжал целовать ее властно и безжалостно,

подчиняя своей воле. Дыхание прервалось, и Лауре показалось, что она умирает, неуклонно соскальзывает в кровавую бездну, а ее душу засасывает непроглядный мрак. Не таким она представляла свой первый поцелуй, однако он произвел магическое действие, на что и рассчитывал Эдгар. Он отпустил Лауру и безучастно сел в кресло, сливаясь с тьмой. И наблюдал за ее терзаниями с отстраненным любопытством, как будто смотрел интересный фильм с предсказуемым финалом.

Ноги у Лауры подкосились, она обессиленно сползла вдоль стены и скорчилась на полу, зажав рот ладошкой. Маленький надрез на шее у Мариэдит манил алой улыбкой, и Лаура не смогла устоять. Бесплодная борьба девушки с новообретенной сущностью продолжалась всего несколько минут. Лаура почувствовала, как кровь проникла в нее, захватила все существо, и ей не хотелось терять это сладостное ощущение. Вкусив эликсира жизни, Лаура уже не могла остановиться и кинулась к кровати.

Тела двух девушек переплелись, их волосы, темные и светлые, спутались. Лаура с наслаждением тянула кровь из раны, ощущая, как наполняются ее собственные вены, как все быстрее бежит по ним животворящая влага. Почувствовав, как прерывается сердцебиение жертвы, Лаура отпрянула к противоположной стене, глядя на умирающую расширенными зрачками. И удивилась: рана на шее у Мариэдит стала практически незаметной, как простая царапина.

Безмолвный зритель с явным облегчением улыбнулся, подошел к Лауре и обнял.

– Вот и все, – прошептал он, успокаивающе глядя ее по спине, – это ведь просто, не правда ли? Теперь у нас все будет хорошо, моя храбрая девочка. Ты не виновата. Не пытайся сейчас что-то решить и предугадать. Бесплезно стремиться к раскаянию. Твоей вины, Лаура, нет даже в том, что ты появилась на свет.

Она на миг затихла в его убаюкивающих объятиях и обреченно спросила:

– И что теперь?

– Нужно избавиться от тела. Проще всего – изобразить самоубийство. Допустим, она выпала из окна. Тут невысоко, но можно упасть неудачно. А потом ты должна спуститься к людям – да, тебе придется сосуществовать с ними. Я не прошу, чтобы ты вызывала их любовь. Ты просто появишься внизу и смешаешься с толпой. Необходимо, чтобы тебя видели.

Эдгар приблизился к телу Мариэдит и точным движением свернул ей шею. Затем открыл окно, подхватил бездыханное тело и перекинул через подоконник. Раздался глухой звук удара о камни, которыми был вымощен двор.

Лаура застыла у стены и взидала на происходящее в неизъяснимом ужасе. А Эдгар обернулся к ней и спокойно сказал:

– Подожди, у тебя на платье кровь. Черт меня надоумил надеть на тебя белое. Не стоило так точно следовать романтическим канонам. Вот, возьми.

Он снял черный камзол и накинул ей на плечи, мимоходом обняв Лауру, но та отшатнулась.

– Не подходи ко мне! – воскликнула она свистящим шепотом.

Девушка вырвалась из шелкового обруча его рук и бросилась вниз по лестнице. Пролитая кровь гнетущей тяжестью тянула вниз, пока Лаура преодолевала ступеньку за ступенькой, наступая на свое длинное платье. Ей казалось, что она спускается слишком медленно и не успеет. Груз вины давил на плечи и сжимал виски железным обручем. Лаура даже не могла связно рассуждать.

Она оказалась во дворе одной из первых. Тело Мариэдит лежало в лунном луче, как под светом прожектора. Кудрявые черные волосы закрывали ей лицо и царапину на шее, что делало мертвую безликой, хотя Мариэдит с ужасом узнали все. Здание «Магдалы» пробудилось, из дома начали выбегать испуганные девушки. Вокруг Лауры смыкался лес живых тел, их лица неузнаваемо перетекали одно в другое, слышались голоса, всхлипы, чьи-то истерические рыда-

ния. На Лауру никто не обращал внимания. Она потерянно стояла за спинами других, глядя на убитую, которая вдруг вступила с ней в тайный, немой диалог.

– Ты мертвее меня, – передалась Лауре через кровь чужая мысль, – ты сама губишь себя. Сознательно становишься жертвой, и твоя жертва будет нескончаема. И безнадежна в своем стремлении обрести тепло и любовь. Ты умерла, но не можешь уйти за пределы этого мира. И да, это сделала ты, а не он.

Наконец полицейские унесли тело, а шокированных участников экспедиции разогнали по комнатам. Лаура побрела к себе, и вездесущий лунный свет замедлял ее движения, как вода. Забыв о том, что дверь в комнату заперта изнутри, девушка машинально дернула за ручку. Дверь распахнулась, Лаура вошла и с недоумением уставилась на вырванную щеколду. Тут она поняла, насколько устала от нескончаемого кошмара этой ночи. Кожа зудела, как будто под ней ползали пауки, а скользкое атласное платье путалось в ногах. Лауре хотелось содрать с себя эту одежду с пятнами чужой крови, снять вместе с кожей и воспоминаниями. Она сбросила камзол Эдгара на стул, сорвала платье и забралась под душ, закрыв глаза и свернувшись калачиком. Горячая вода обжигала, но Лаура не чувствовала этого, ее тело содрогалось от могильного холода. Казалось, что она не отмоется никогда. Просидев так не менее часа, девушка наконец нашла в себе силы подняться на ноги и выключить воду.

Наступал рассвет. Еле успев добраться до кровати, Лаура упала на нее – больно кольнуло в шею, и свет в глазах потух, как будто щелкнули выключателем.

Глава 4

Спала Лаура недолго. Когда она открыла глаза, ее волосы еще оставались влажными после душа. Солнечные зайчики плясали на стенах комнаты, золотистые лучи расчерчивали пол. Она потянулась, разминая окоченевшее тело, и кровь быстрее побежала по венам. Первое, что попало ей на глаза, – черный камзол, брошенный на стул.

Так трудно поверить в реальность происходящего. Незнакомые места, готический замок, да и сам Эдгар напоминали Лауре декорации жуткого, но безумно красивого фильма. Однако при свете утра все сделалось куда более простым и ясным, чем мнилось во мраке минувшей ночи. Украденная кровь текла в ней, Лаура ощущала себя живой, и настроение у нее заметно улучшилось. Она была молода, и умирать ей вовсе не хотелось. Более того, Лауре казалось, что все свои девятнадцать лет она провела во сне, бесцельно и уныло. Она вдруг почувствовала себя избранной, не такой, как все, хотя в полной мере не осознавала своего бессмертия. История Золушки знакома каждой девушке, и многие мечтают о прекрасном принце, который одним мановением руки превратит их бессмысленную жизнь в сказку. Такой принц неожиданно воплотился из сновидений Лауры, и он обещал положить к ее ногам весь мир.

Она взяла камзол и забралась обратно в кровать. От гладкой блестящей ткани исходил слабый аромат жасмина. Лаура испытывала к Эдгару неоднозначные чувства. Она успела убедиться, что он не сон и существует наяву. Девушка побаивалась вампира, но ее неудержимо влекло к нему, одолевало детское любопытство и желание разгадать его тайну. К тому же Лаура понимала, что без Эдгара не сумеет разобраться в своем нынешнем состоянии, у нее просто не было выхода. Погладив атласную ткань камзола, она случайно нащупала листок бумаги. Это оказалась записка, набросанная изящным витиеватым почерком, каким уже не пишут в наши дни.

«Доброе утро, Лаура, – говорилось там. – Что бы ни случилось, буду ждать тебя в яблоневом саду, когда рассветет. И не бойся солнца после восхода. Эдгар».

Лаура заметалась по комнате, стараясь как можно скорее собраться. Ей не терпелось увидеть Эдгара. Она устремилась в ванную, чтобы умыться лицо и почистить зубы, и тут же застыла, посмотрев в глаза своему отражению. Гляделась в зеркало и не узнавала себя: лицо определенно было ее, но при этом какое-то знакомое. Брови и ресницы по-прежнему оставались светлыми, но Лауре как будто добавили красок. То, что раньше было неброским, акварельным, сейчас приобрело яркость и выразительность: в глазах появилась головокружительная небесная синева, губы стали коралловыми и сочными, а фарфоровая кожа засветилась изнутри. Девушка поняла природу потусторонней красоты Эдгара, у которой была столь высокая цена. Лаура поспешно расчесала волосы, надела первое, что попало в шкафу, сунула ноги в шлепанцы и выбежала во двор.

Она не привыкла вставать так рано – был только седьмой час утра, и все в «Магдале» еще спали после ужасной ночи. Солнечное сияние внезапно обрушилось на девушку, окружило непроходимой золотой стеной, и она на миг ослепла. Лаура невольно вскинула глаза на солнце, проглядывающее сквозь листву черемухи. Оно, как всегда, переливалось негасимым пламенем, и смотреть на него без темных очков было невозможно. Зрачки Лауры расширились, и она, не в силах отвести взгляд от солнца, вдруг стала различать на нем пятна, будто бы смотрела сквозь закопченное стекло. Это меркнувшее светило внушало ей страх. Лаура с усилием проморгалась и побежала в сад, желая скрыться в тени деревьев.

Сад звенел голосами утренних птиц, цветущие яблони стояли как невесты, окутанные розовой дымкой, сквозь их ветви щедро лились потоки солнечных лучей. Эдгар сидел на траве в картинной позе, до странности реальный, и не таял в свете дня. Он не был похож на привидение, а скорее напоминал кота, вальяжно греющегося на солнышке. Его длинные

золотистые волосы искрились, белоснежная рубашка подчеркивала бледность кожи, а кобальтово-синие глаза почти не пропускали света, что делало их цвет приглушенным на солнце и насыщенным в тени.

Эдгар беззастенчиво окинул девушку взглядом снизу вверх, и его брови едва заметно вздернулись. Лаура словно увидела себя со стороны: растрепанная, в тесной майке и джинсовых шортах, обрезанных до самых бедер, в пляжных тапочках – выглядела она как девчонка-подросток. Ноги у нее были незагорелые, бледные до синевы. Лучше бы она надела то длинное белое платье со следами крови!

Элегантным жестом, отточенным за века, Эдгар пригласил ее сесть.

– Присаживайся, милая, побеседуем!

Лаура опустилась рядом на траву и подтянула к себе ноги, неловко обхватив руками колени. Эдгар ласково погладил ее по открытому плечу, оно слегка вздрагивало.

– Прости, я был жесток с тобой вчера. Но у меня не оставалось другого выхода. Я должен был заставить тебя это сделать любой ценой. Однажды я уже допустил роковую ошибку, не довел дело до конца. И моя дочь умерла.

– У тебя была дочь? – несказанно изумилась Лаура.

– Да. – В глазах Эдгара промелькнула едва уловимая тень. – Это было очень давно.

– Сколько же тебе лет?

– Мне двести сорок восемь лет от рождения, если быть точным. И двести шестнадцать я существую как вампир.

– Обалдеть можно! В это трудно поверить, – потрясенно выговорила Лаура и задала извечный вопрос: – Почему ты выбрал меня? Что во мне такого особенного?

– Ты мой потомок по прямой линии, – объяснил Эдгар, он ждал этого вопроса, – моя прапраправнучка в десятом поколении. Элеонора была девятая. Ты десятая. Глаза у тебя сейчас такие, как будто ты проглотила луну.

Лаура зачарованно слушала, не отрывая от него взгляда, и то, что он рассказывал, не укладывалось у нее в голове. Немыслимо! Известие о родстве ошеломило Лауру, но где-то на уровне подсознания она ощущала их кровную связь. Однако ее не покидало чувство: Эдгар чего-то недоговаривает, все гораздо сложнее. И она должна развеять свои подозрения, выяснить, кто ее настоящий отец.

– Это не единственная причина, по которой я тебя избрал, – продолжал Эдгар. – Твоя мать была вампиром, когда родила тебя. Ты можешь стать очень сильной, Лаура, если, конечно, захочешь. В тебе превосходные задатки – столько кровей намешано.

Страшная догадка вдруг поразила Лауру, и она осмелилась спросить:

– Если моя мать была вампиром, то кто мой отец? Я должна знать правду! Неужели это ты?

– Нет, моя прелесть, – весело рассмеялся Эдгар. – Я не твой отец, и у меня ничего не было с твоей матерью. Твой отец – Филипп Уэйн. Тебя зачали во время перерождения Элеоноры, она и сама не подозревала о зародыше, который рос внутри нее. Мой невольный создатель, Низамеддин, обратил ее, не зная этого. Беременных женщин нельзя убивать и превращать в вампиров – таков неписанный закон. Так уж совпало, что через девять месяцев Элеонора убила своего создателя, выпила его кровь, которая оказалась слишком сильна для нее. Я спас ее и перелил свою кровь. Светлые волосы и голубые глаза – это у тебя от меня, влияние моей крови, хотя я не твой отец. Беременность не замерла, а стала стремительно развиваться, и всего через три дня, в полнолуние, на свет появилась ты. И как думаешь, чем ты питалась все эти девять месяцев в материнском чреве?

– Кровью, – одними губами прошептала Лаура.

Эдгар вдруг заметно помрачнел.

– Я должен сказать тебе кое-что неприятное. Ты никогда не сможешь иметь детей. Мертвая плоть не способна воспроизвести живую. Это жертва, которую мы приносим в уплату вечности. Ты никогда не мечтала о детях, потому что не создана для материнства. И приобрела гораздо больше.

– Я как-то не задумывалась об этом... – растерянно обронила Лаура. – Но как тогда я родилась у Элеоноры уже после ее смерти?

– Ты исключение и этим уникальна, – ответил Эдгар и нежно коснулся ее верхней губы, обрисовав красивый изгиб. – В твоём сердце кровь трех вампиров: Элеоноры, Низамеддина и моя. Ты родилась только благодаря мне. Следовательно, твоя жизнь принадлежит мне. Все очень просто: тебе на роду написано стать вампиром, Лаура, и никогда у тебя не было другой судьбы, как и выбора. Отныне твое место – рядом со мной. Ты стала моей вечной спутницей, и обратного пути нет. Это навсегда. Твоя жизнь теперь неподвластна времени, она зависит лишь от меня. Чем быстрее осознаешь и примешь этот факт, тем лучше для тебя. Это я извлек тебя из утробы матери. Я дал тебе имя – Лорелия-Вирджиния. Знаю, что твой любимый цвет – голубой. Ты плохо плаваешь, хотя выросла возле океана. Боишься высоты, но любишь грозу. Я знаю о тебе все.

Лаура не сводила с Эдгара глаз, не в силах осознать непостижимую правду, которая содержалась в его словах. Смириться с тем, что жизнь ей не принадлежит, было сложно, еще сложнее оказалось ощутить себя игрушкой, безвольной куклой.

– Ты должна еще кое-что узнать. Твои родители мертвы, – доложил Эдгар, глядя в даль, словно прозревая сквозь время и пространство. – Он дал ей свою кровь, но этого оказалось недостаточно.

– Боже мой! – в отчаянии всплеснула руками Лаура. – Бедная Джемайма! Она так любила отца!

– Вот еще что, – предупредил Эдгар. – Сестра наверняка будет тебе звонить, звать вернуться. Ни в коем случае не соглашайся. Тебе не следует видеться с ней по крайней мере пару месяцев, если ты дорожишь ее жизнью. Ты пока не умеешь контролировать себя, а наша тяга к родной крови бывает очень сильна.

– Но бросить ее в такой момент – предательство, – засомневалась Лаура.

– Пусть она думает что угодно, но откажи ей. Ты знала, что твоя мать чуть не убила ее, когда та была маленькой?

Лаура похолодела от ужаса и недоверчиво помотала головой.

– Если бы не твой отец, ее сейчас не было бы. Ты должна пережить переходный период здесь, хотя бы месяц. Потом, если захочешь, мы поедем в Америку, и ты увидишься с сестрой. Но жить с ней вместе больше не сможешь. Ты должна это понимать.

– Как же мне теперь жить? – пробормотала Лаура в смятении.

– Днем ты будешь существовать вместе с людьми, в «Магдале». Изучать поверья и традиции, ты ведь за этим приехала. Но на рассвете тебе придется плотно закрыть шторы и спать. Лучше у меня, потому что в это время мы становимся мертвецами. Не дышим, коченеет и выглядим неживыми. Днем мы можем передвигаться, как все, разве что прямые солнечные лучи причиняют нам легкое неудобство. Приходи ко мне сегодня ночью, я покажу тебе замок. – Эдгар приветливо улыбнулся.

– Хорошо, – со вздохом кивнула Лаура. – То есть мы тоже должны спать?

– Да, но это не совсем сон, больше похоже на маленькую смерть. Мы отличаемся от людей. Не едим, не пьем, не испражняемся. Не стареем. Но у нас растут волосы и ногти.

– А как насчет секса? – Лауру разобрало любопытство, и она не могла не задать этот вопрос, но при этом ее щеки порозовели.

Эдгар странно посмотрел на нее и ответил:

– У нас нет такой насущной потребности, как у людей. Но если мы влюбляемся, то все точно так же.

По выражению ее лица он понял, что Лаура кое-чего не помнит. Что ж, это было к лучшему, не придется ничего объяснять, и, пожалуй, такой расклад даже интереснее. Эдгар признавал, что поступил с ней не совсем благородно. И теперь можно начать все заново, действуя постепенно, как будто ничего не произошло. Он подождет, пока девушка не созреет и не полюбит его всей душой, что рано или поздно случится. А терпения ему не занимать.

– Как же я прожила всю свою жизнь рядом с вампиром и не заметила этого? – протянула Лаура, смутившись и решив перевести разговор на другую тему. – И что, она убивала?

– Нет. Но ты вспомни ее ежемесячные отлучки в больницу. Она держалась за счет донорской крови благодаря твоему отцу.

– А что, так можно? – поразила Лаура. – Жить вечно, никого не убивая?

– Как оказалось, можно. Только это не жизнь. Не стоит того.

Губы у Лауры жалобно задрожали.

– И как часто нам надо убивать? Каждую ночь?

– Слава высшим силам, нет, – ответил Эдгар, вызвав у нее вздох облегчения. – Одна жертва в месяц. Мы проживаем цикл от полнолуния до полнолуния. Начиная с новой фазы луны наши силы тают. Иногда, если мы потеряли много сил, требуются две жизни. Но такое случается редко.

При воспоминании о Мариэдит Лаура не сумела сдержать слез. Она приникла к его плечу и безудержно заплакала, не видя, что ее слезы окрасились выпитой кровью. Эдгар поморщился и протянул ей платок – кровавые капли оставляли следы на его белой рубашке.

– Я бы советовал тебе беречь слезы. Чем больше ты плачешь, тем тяжелее будет дожить до полнолуния. Если хочешь реже убивать, поменьше плачь.

Девушка взглянула на платок и с ужасом увидела розовые разводы, но не смогла остановиться и перестать лить слезы.

– Я не хотела убивать ее! – рыдала Лаура, утопая в тоске и безысходности. – Это так тяжело... Она была хорошая. Уж лучше бы это была противная Бернадетт!

– Мексиканочке не повезло просто потому, что она жила одна и на третьем этаже, – бесстрастно разъяснил Эдгар. – На твоём пути иногда будут попадаться те, кому не повезет. Но чаще выбирать станешь ты. Прекрати убиваться, ты ничем ей уже не поможешь.

– Но у нее ведь, наверное, были близкие... – продолжала терзаться Лаура.

– У всех есть близкие: родители, друзья, любимые. Кроме нас с тобой. – Он проникновенно заглянул ей в глаза. – У нас нет никого, кроме друг друга. Твоя сестра не в счет – она на редкость цельная и самодостаточная личность. Джемайма прекрасно обойдется и без тебя.

– А ты убивался по своей первой жертве? – спросила Лаура с возмущением. – Или сожалел? Ты хотя бы ее помнишь?

– Нет, нисколько не сожалел, – нахмурился Эдгар и изящно взмахнул рукой, словно отгоняя непрошеное воспоминание. – Я знал ее, она была нехорошей женщиной. У меня имелись веские причины лишить ее жизни, не связанные с жаждой. Когда-нибудь я тебе все расскажу. Иногда люди заслуживают смерти и не вызывают жалости. Да и тебе, по большому счету, наплевать на людей.

Лаура судорожно всхлипнула, но тут же умолкла, опешив.

– Это неправда! – принялась доказывать она с жаром. – Я никогда никому не делала зла. Я добрый человек!

– Конечно, душа моя. – Эдгар успокаивающе погладил ее по руке. – Все мы были людьми, хорошими в той или иной мере. Но ты уже не человек. Ты высшее существо и вправе выбирать, кому стоит умереть.

– Ты говоришь ужасные вещи!

– Вовсе нет, – язвительно усмехнулся он, – я говорю правду. Ты ненавидишь людей.

Лаура приоткрыла было рот, чтобы возразить, и тут же закрыла, пораженная этой мыслью.

– Что, скажешь, я не прав? – невозмутимо продолжал Эдгар. – Я знаю тебя лучше, чем ты сама. Ты маленькая эгоистка. Кого ты любила в жизни, кроме своей сестры?

– А ты? – огрызнулась Лаура, обиженная его словами.

Он посмотрел на нее с вековым снисхождением и произнес покровительственным тоном:

– Я как раз много любил. Но теперь мне нужна только ты, Лаура. Ты согласишься в вечную любовь, ведь я тот, кто будет любить тебя вечно.

Ее кровь в его венах смягчала, вызвала у Эдгара жалость и щемящую нежность к ней. Лаура была такая незащищенная, бело-розовая, как яблоневый цвет, со смертельно израненной душой. Он видел скорбную тень в изломе ее сомкнутых губ, прозрачные от слез глаза, трогательные ямочки на локтях. Щеки у нее были по-детски круглыми, скулы еще не начали заостряться. Эдгар придвинулся к Лауре и заключил в по-мужски сильные, оберегающие объятия.

– Милая девочка! Ты такая чистая... Чистый лист, белый воск. Что ты хочешь? Я все сделаю для тебя.

Лаура замерла на минуту, но вовсе не растаяла в его ласковых руках, а погрузилась в раздумья. Странная мысль об их родстве снова промелькнула в сознании, однако не вызвала неприятных эмоций – это очень призрачная связь. Лауре требовалось время, чтобы обдумать этот факт, но сейчас страсть к Эдгару оказалась сильнее. И она не собиралась так легко сдаваться: ей хотелось взять реванш за свой ужасный первый поцелуй. Лаура вытерла слезы платком и с вызовом посмотрела Эдгару в глаза.

– Поцелуй меня! Но не так, как вчера. По-настоящему. Вчера мне не очень понравилось.

Лицо Эдгара радостно озарила ее кровь, он наклонился к Лауре, и она ощутила обманчивое тепло его губ. Поцелуй был иным – не таким темным и убийственно опасным, как накануне ночью. Эдгар явил ей светлую сторону, желая выразить свою любовь и приоткрыть горизонты того нечеловеческого счастья, что ожидает ее с ним. На сей раз он целовал Лауру неторопливо и сладостно, до головокружения. Ее душа затрепетала и рванулась к нему, как бабочка на огонь. Они вдвоем парили в сети солнечных лучей, сплетаясь, словно язычки пламени, и устремлялись ввысь, в чистое безоблачное небо. Этот поцелуй ангела стер из памяти вчерашний кровавый, вернул Лауре полнокровное и страстное желание жить, несмотря ни на что. Девушка впитывала упоительное дыхание весны, цветущие яблони таинственно шептались и осыпали их вихрем душистых лепестков. Мир вокруг утратил очертания и поплыл в ароматной розовой дымке. Земля плавно ушла из-под ног, и Лаура поняла, что любила Эдгара всю свою жизнь, только не знала об этом. Их поцелуй длился вечно, а затем Эдгар отстранился и взглянул на нее с улыбкой, явно довольный собой.

Лаура встряхнула волосами и произнесла с полным самообладанием, в то время как глаза еще туманились пережитым восторгом:

– Да, так гораздо лучше. Ну ладно, пока!

Она решительно встала и пошла прочь сквозь солнечный свет, хрупкая, но не сломленная, и ее ноги в коротеньких шортах казались бесконечными. Лаура даже ни разу не обернулась.

Эдгар смотрел ей вслед с нескрываемым восхищением, а затем удивленно рассмеялся и произнес:

– А у девочки есть характер. Посмотрим, что из нее вырастет.

Глава 5

Как и предсказывал Эдгар, утром Лауру позвали к телефону на международный разговор. Звонила Джеммайма, так что девушке предстояло тягостное объяснение. Лаура совсем не умела врать и не могла придумать сносное оправдание. Ей хотелось поддержать сестру, дотянуться до нее через океан слез, обнять, поделиться своим теплом, но Лаура была бессильна это сделать. Прежняя жизнь теперь навсегда отрезана от нее.

– Лолли, наши родители погибли в Лондоне, – рыдала Джеммайма на противоположном конце телефонного провода. – Причина пока неясна, будет вскрытие. Тебе нужно приехать в Лос-Анджелес.

– Джемми, я пока не могу вернуться и помочь тебе, – мягко ответила Лаура. – Никак не могу. Я при встрече все объясню. Но пока тебе придется справляться самой.

– Ты слышала, что я сказала? – вскричала Джемми, не в силах понять безразличие младшей сестры. – наших родителей больше нет и никогда не будет!

– Да, я просто в шоке, – выдавила Лаура, – но пойми, я на другом конце света и просто не смогу выбраться отсюда так быстро.

Джеммайма помолчала, и прошло, наверное, полминуты, прежде чем Лаура снова услышала ее тихий голос.

– Да, я все понимаю. Ты только приехала в Румынию, и теперь так сразу лететь обратно... Это, наверное, невозможно. Достать билет и все остальное. Ты все равно не успеешь. Оставайся там. Тела прибудут завтра. Я организую похороны сама.

– Держись там, сестренка. Я тебя люблю, – произнесла Лаура, чувствуя себя последней дрянью, и повесила трубку.

Закончив разговор, она села на пол, в раздумьях обхватив голову руками.

Лауру настолько поглотили эгоистические переживания, что смерть родителей почти не затронула ее душу. Она прислушивалась к себе и чувствовала только глухую пустоту, тогда как прежняя Лаура билась бы в рыданиях. Странно, но ей не было жаль их, она переживала только за Джеммайму. Разве что об отце немного сожалела: главным образом о том, что толком не узнала его, хоть и жила с этим человеком под одной крышей. Филипп всегда относился к Лауре со сдержанной добротой, несмотря на то, что не считал ее своей дочерью. Это был мягкий и отзывчивый человек, но он старался не привязываться к Лауре, понимая, что не сможет уберечь ее от уготованной судьбы. Ненависть Элеоноры к младшей дочери теперь была понятна и даже, наверное, оправданна. За всю жизнь Лаура не услышала от матери ни одного ласкового слова, не получила ни единого проявления нежности. Впрочем, от Эдгара в ней теперь было больше, чем от Филиппа и Элеоноры, вместе взятых. Лаура оказалась отделена от старого привычного мира пропастью, полной крови, и только Эдгар остался на ее стороне.

Смерть Мариэдит засвидетельствовали как самоубийство, и ее тело в цинковом гробу отправили в Америку. В остальной день прошел спокойно, насколько это возможно при таких обстоятельствах. Лаура уже не думала о Мариэдит, оплакав свою первую жертву, и в ней начали намечаться неуловимые перемены. Девушка томила в ожидании ночи.

Когда стемнело и в здании «Магдалы» погасили огни, Лаура выскользнула из своей комнаты и легкой поступью направилась в сторону замка. Она почти позабыла прошлую жизнь и наслаждалась красотой лунной ночи. Впитывала незнакомые звуки и запахи, которые измененное сознание распознавало как родные, словно у нее прежде была другая жизнь и иное воплощение. Под покровом мрака Лаура различала призрачные очертания цветущих деревьев и мигающие огоньки ближайшей деревни. Улавливала прелые запахи болот, слышала глухой шелест листвы и отзывалась душой на загадочный переклик ночных птиц. Идя вдоль озера, она даже разглядела выпь, скрывающуюся среди камышей. Мимо Лауры бесшумно пронеслась

летучая мышь, похожая на лоскуток темноты, и задела ее за плечо. Девушке тоже хотелось воспарить в ночное небо, но летать она пока не умела. Дорога до замка заняла около часа неспешным шагом.

Эдгар ждал ее. Он отворил дверь, и Лаура сразу очутилась в его объятиях.

– Я рад, что ты пришла. Пора начать учиться, Лаура.

Он взял ее за руку и отвел наверх, в спальню, где стояло большое зеркало.

– Зеркала – нечто большее, чем кажутся, они имеют магические свойства. Из любой отражающей поверхности можно создать портал. Через это зеркало кровь Элеоноры перешла к тебе.

– То есть это я виновата в смерти родителей? – встревожилась Лаура.

Эдгар повернулся к ней и решительно возразил:

– Нет. Ты ни в чем не виновата, запомни это раз и навсегда. То, что произошло, было неминуемо и закономерно. С помощью своего отражения ты можешь перейти на другую сторону, – продолжал он, – перенестись в другое место – телепортироваться, если угодно. Попробуй!

Лаура вытянула руку, и блестящая поверхность слабо задрожала от ее прикосновения.

– Ты пока не умеешь ничего делать, но уже его чувствуешь, это прекрасно. В случае опасности ты можешь уйти сквозь зеркало или почерпнуть в нем нужную энергию. Разбив зеркало, ты вызовешь разрушительный взрыв. Существует поверье, что вампиры не отражаются в зеркалах, но это неправда. Зеркала – наши друзья, особенно такие старые.

– А что насчет чеснока, серебра, осинового кола? – спросила Лаура, вспомнив фильмы о Дракуле.

– Про чеснок ерунда, просто неприятный запах. А вот про серебро правда, оно для нас сильный аллерген. Про осинового кол я не уверен, не пробовал, но думаю, если нам проткнуть сердце и отрезать голову, наше существование прекратится.

Они проговорили почти до утра. Эдгар с безжизненным вздохом глянул в окно, предчувствуя рассвет, и сказал:

– Пора готовиться ко сну.

Предвидя свое смущение, Лаура захватила любимую пижаму, мягкую и уютную, с нарисованными совами. Девушке была остро необходима какая-то привычная вещь, принадлежавшая только ей.

– Как это мило, – улыбнулся Эдгар при взгляде на Лауру, – какое ты еще дитя в душе.

Рассвет надвигался неотвратимо, и белый призрак утра возник между ними. Луна таяла в темных небесах, как кусок сахара в чашке чая. Лаура почувствовала холод, туманный и удушливый, почти неосознаваемый. Кровь густела в венах, облачко ее дыхания стыло в воздухе, и жизнь медленно прекращала пульсировать в теле Лауры.

– Мне холодно, – тихо сказала она.

В посветлевших глазах Эдгара сквозило сочувствие.

– Тебя покидает жизнь, к сожалению, это неизбежно. Моя смерть была гораздо менее приятной, чем твоя. Я постарался убить тебя нежно, но смерть – это всегда смерть, никуда от нее не деться. Придется потерпеть. Со временем ты привыкнешь, и будет не так больно. Я уже практически ничего не чувствую, и видения меня не беспокоят, разве что иногда. Ложись, милая, я укрою твои ножки.

Лаура медлила: мысль о том, что придется разделить с ним постель, волновала воображение, но и вызвала вполне объяснимые опасения.

Эдгар заметил ее сомнения и поспешил их развеять:

– Не бойся, я не трону тебя. Обещаю! Ты еще не готова, твои чувства незрелы. И пока ничего не можешь дать мне взамен, ты как пустой сосуд. Похожа на неоперившегося птенца. Ничего не будет, по крайней мере пока. Если хочешь, я положу между нами нож.

Лаура бледно улыбнулась:

– Не надо, я верю тебе.

Она опустилась на кровать, уткнулась лицом в подушку и свернулась клубочком, ее бил озноб. Шея леденела, и Лаура снова почувствовала, как из нее по капле уходит жизнь. На сей раз это была лишь иллюзия, созданная предрассветной мглой. Эдгар прилег рядом и не отпускал ее холодеющую руку. Рассвет навалился крышкой гроба, девушка задохнулась и канула в небытие, перед этим вспомнив мерцание глаз Эдгара в ту лунную ночь – так на Лауру глянула ее великолепная смерть.

Пробуждение наступило после восхода солнца. Сон, столь же слепой и непроглядный, как смерть, потихоньку отпускал очоженевшую Лауру. Сквозь щели неплотно задернутых портьер сочился солнечный свет, и пылинки весело плясали в его лучах. Лаура открыла глаза и ахнула: рядом с ней на кровати покоился красивый труп. Она приподнялась на локте и воспользовалась случаем, чтобы детально рассмотреть лицо Эдгара – незнакомое и любимое, лик ее сна. Лаура пристально всматривалась в аристократические черты, неподвижные в своем скульптурном совершенстве: высокие скулы, прямой нос, чувственные губы и ямочку на подбородке – такую же, как у нее. Лаура помнила из школьного курса биологии, что эта ямочка является доминантным геном, который может передаваться через поколения. Кожа у Эдгара была безупречно гладкой, хотя выглядел он не на двадцать лет, а на свои земные тридцать два. Изогнутые брови и пушистые ресницы золотились в полумраке, отливая медью. Вдруг взгляд Лауры привлекла одна деталь – на правом виске Эдгара розовел незаживающий шрам. Обычно он был прикрыт локоном, который привычно сползал на глаза. Лаура прежде не замечала этого страшного шрама, но он отчего-то притягивал ее, и она осторожно дотронулась до него кончиками пальцев. Шрам отозвался на прикосновение и запульсировал, как живой.

В этот момент Эдгар открыл глаза и увидел над собой растерянное лицо Лауры.

– Доброе утро, любовь моя, – радостно сказал он.

Эдгар резко перевернул Лауру на спину, сам оказавшись сверху, и наклонился к ней с поцелуем. Его руки забрались под ее пижаму, касаясь нежно и настойчиво. Ошеломленная Лаура не могла противостоять такой пылкости, сердце ее сладостно замирало и катилось в пропасть. Она млела от его прикосновений, но разрешить перешагнуть последнюю черту не была готова. Ее чувства к Эдгару оказались весьма противоречивыми, и она боялась своих желаний. Если бы Лаура не считала себя девственницей, то в тот же миг позволила бы ему овладеть собой. Но, как и любой девушке, ей было страшно, все происходило слишком стремительно.

Лаура заерзала под его тяжестью и сбивчиво пролепетала в перерывах между поцелуями:

– Нет, Эдгар, нет! Ты обещал!

Он с сожалением вздохнул, неохотно отпустил Лауру и встал с кровати.

– Прости, я забылся! Ты такая сладкая в этой пижаме. И пахнешь, как ванильное пирожное. Меня извиняет лишь то, что уже более двухсот лет я не просыпался в одной постели с женщиной.

– Ну уж нет, со мной этот трюк не пройдет! – лукаво улыбнулась Лаура, приподнявшись на постели.

– Как скажешь, милая, – с легкостью согласился Эдгар. – Знаешь ли, два с половиной века жизни на этой земле научили меня терпению. У нас с тобой впереди целая вечность. Я не намерен тебя торопить.

Он направился в ванную, включил воду и принялся умываться.

– Скажи, а тебя не смущает, что я твоя правнучка? – с сомнением поинтересовалась Лаура.

– Нет, – отозвался Эдгар из ванной, пряча улыбку, и девушка не увидела, как сильно его рассмешил этот наивный вопрос. – А тебя?

– Не знаю. Я пока не определилась.

– А я считаю девять поколений между нами достаточно дальним родством, – пояснил Эдгар, покосившись на нее.

Он вышел из ванной, открыл шкаф и начал выбирать костюм на сегодня.

– Ты всегда так одеваешься – как в другом веке? – спросила Лаура, с восхищением наблюдая за ним.

– Нет, – лучезарно улыбнулся Эдгар, – только чтобы произвести на тебя впечатление. Когда бываю в мире, я одеваюсь как все, по современной моде.

– Где ты берешь эти красивые костюмы?

– Мне их шьют на заказ, – небрежно сообщил Эдгар. – Это не проблема, когда есть деньги. А их у меня более чем достаточно. За двести лет мой капитал существенно вырос. И если понадобится, я всегда могу достать еще.

Лаура тоже переоделась и стала рассматривать спальню при дневном свете. Та была довольно просторна, со стенами, обшитыми дубовыми панелями. Кроме кровати и шкафа, здесь находилось несколько резных стульев и камин.

– Камин исправен, при желании его можно разжечь, – рассказал Эдгар. – Мебель осталась из прошлого, большой ценности она не представляет, поэтому не разграблена во времена войн.

– Это твой замок? – полюбопытствовала Лаура, когда они шли по галереям, заглядывая в комнаты. – Ты тот самый граф, о ком нам рассказывали у костра? У которого умерла дочь?

– Нет, я не граф, и замок не принадлежал мне. Но дочь была моя. И замок этот теперь тоже мой. Здесь осталось несколько комнат, пригодных для жизни. Кухни нет, но она нам не нужна. Остальная часть лежит в руинах. Замок ветшает с каждым днем и когда-нибудь превратится в грудку камней. В народе он считается проклятым, поэтому никто меня не беспокоит.

– Зачем же ты купил его?

– Здесь, в склепе, погребена моя дочь, – сказал Эдгар, помрачнев. – А теперь иди к людям, наступает день.

Лаура на секунду замерла, порывисто поцеловала Эдгара в щеку и убежала в день, увлекаемая ослепительным солнечным светом, который не мог затмить воспоминания о луне, невзирая на золотую красу.

Дни замелькали, черемуха облетела, зацвела сирень. Лаура вела двойную жизнь: дни пережидала в «Магдале», ездила с экспедицией по окрестным деревням, слушала песни и записывала предания, которые переводил Уолли. Ночи она коротала в замке Эдгара. Время неуловимо исчезало внутри ласкового сумрака, где крепились призрачные отношения между их разлученными веками. Лаура доверяла Эдгару и чувствовала себя необыкновенно легко с ним, будто бы знала его всю жизнь. Эдгар постепенно передавал ей свои знания и приучал к новому образу жизни. Он говорил чарующим бархатным голосом, его слова волновали Лауру и уводили в иные миры, утоляя жажду неизведанного.

– Скажи, что случилось с моим зрением? – расспрашивала Лаура. – Почему я стала видеть пятна на солнце?

– Ты можешь смотреть на солнце, не щурясь, хоть это не очень приятно. Но твои глаза чернеют и могут тебя выдать, поэтому лучше носи темные очки. Будь осторожнее на открытом солнечном свете, ты не отбрасываешь тени. Я умею наводить тень, а ты пока нет.

Лаура училась левитировать и уже отрывалась от земли на несколько сантиметров. Пытаясь побороть земное притяжение, она спрыгивала с огромных валунов, которых возле замка было в избытке, падала и старалась не плакать.

– У меня никогда не получится!

– Непременно получится, – обнадеживал Эдгар с неистощимым терпением, – просто ты еще совсем молода, новообращенный вампир. После второй жертвы все станет проще.

– О господи, после второй! Опять! – ужаснулась Лаура.

– До полнолуния осталась пара недель, – предупредил он. – Тебе уже пора начинать присматривать ее или его. На сей раз я предоставлю тебе возможность выбрать самой.

– Это еще тяжелее! Я не хочу никого выбирать... и убивать.

– Да, я понимаю. Тебе было бы легче убить кого-то из местных жителей, но это опасно. Они тут осведомлены о том, что мы существуем. Лучше выбирай из своих, еще достаточно времени на раздумья. Пойми, это у тебя в крови. Надо осознать, что страшнее: умереть самой или сознательно лишить жизни другого. Только ты в любом случае не умрешь, поэтому выбора у тебя нет. И не сможешь справиться со своей натурой. Тебе придется совершить это, чтобы жить дальше. – Эдгар привлек ее к себе и ласково обнял. – И ты ведь постараяешься, правда?

– Зачем ты только сотворил это со мной? – жалобно спросила Лаура, высвобождаясь из его объятий.

– Это извечный вопрос, на который нет ответа, – безразлично пожал плечами Эдгар, но облик его при этом дышал самодовольством – он явно гордился своим деянием. – Я обратил тебя, ибо это в моей власти. Сделал это для себя, потому что так захотел, ты была нужна мне. Я решил разделить с кем-то вечность, и ты не должна роптать, ведь тебе даровано бессмертие, а это дорогого стоит. Что ты знаешь о жизни, дитя? Я старше тебя на целых двести тридцать лет, и когда-нибудь ты меня поймешь. Ты мой каприз, мое создание, моя избранница. Ты принадлежишь мне и будешь принадлежать всегда. Привыкай к этой мысли, моя сладость!

Глава 6

О смерти Мариэдит вскоре забыли, и жизнь вошла в привычную колею, хотя прежняя беззаботность в компанию так и не вернулась. В «Магдале» появились новые обитатели: долгожданный помощник Зануды Уолли по имени Мэттью и археолог, профессор Джошуа Филандер.

Тем временем Эдгар готовил Лауру к убийству.

– Это начинается как поцелуй, – наставлял он свою подопечную. – Ты должна отпустить себя и возжелать жизнь своей жертвы – и все случится само собой. Я помогу тебе.

По мере приближения полнолуния Эдгар с сожалением ощущал, как кровь Лауры покидает его вены. Ему, как и ей, требовалась новая жертва, но о себе он не слишком беспокоился.

Между тем красавица Бернадетт страдала от скуки. Она решила развлечь себя посещением замка, и ее ничуть не смущало, что это частная собственность. Если там кто-то есть, подумала Бернадетт, она просто попросит показать ей замок. Такой красоте, как она, вряд ли смогут отказать. На закате девушка поднялась на холм и постучала в дверь, которая, к ее изумлению, оказалась незапертой. Бернадетт вошла, с любопытством озираясь по сторонам. Она неспешно двигалась по галерее и заглядывала в комнаты, но никого не обнаружила. Достигнув конца галереи, Бернадетт открыла дверь и вышла на площадку над озером.

Небо вспыхнуло, зарделось и налилось кровью. Луна, по-вечернему бледная, маячила где-то на краю неба, мельком показываясь из-за грозовых облаков, косматых, словно волосы ведьмы. Небеса переливались всеми оттенками красного: ярким алым, как розы, царственным пурпуром, омраченным лиловой тенью, сочным и пьянящим винно-бордовым. Бернадетт стояла на площадке и любовалась закатом, когда ощутила чье-то незримое, туманное присутствие. Она хотела обернуться, но не успела – кто-то властно обнял ее сзади, а рот замкнула рука, тяжелая и ледяная, лишив возможности закричать.

Эдгар откинул светлые кудряшки Бернадетт, сделал ножом надрез на шее, задумчиво улыбнулся и припал к ней, наслаждаясь вкусом жизни незнакомой девушки и видом багряного заката. Ад был прямо над ним, и казалось, что с небес сейчас хлынет кровавый дождь, что кровь неизбежно падет на него. Но Эдгару было все равно – он давно привык к этой мысли. Закончив, он не стал ничего выдумывать и просто сбросил еще живую девушку со скалы в воду. Вскоре труп обнаружили в озере. В волосах запутались водоросли, лицо утопленницы отливало страшным синеватым цветом, а кожа была перенасыщена влагой.

В это время Лаура сидела на балконе первого этажа «Магдалы» в ожидании грозы. Она знала, что сегодня ночью ей необходимо совершить убийство, но мучительно медлила. Ей было отчаянно жаль прекрасного расцвета весны, вместе с которой погибли и ее девятнадцать лет. Перед мысленным взором Лауры изредка всплывали отмершие моменты ее жизни, но она не могла охватить и понять эту потускневшую, уже не свою жизнь, хотя прошел всего месяц.

– Хмурит. Кажется, собирается гроза. Но, быть может, она минует нас, – раздался голос одной из девушек где-то в стороне, вроде бы наверху.

Лаура, находясь в скрытом уединении на балконе, хотела было выглянуть и спросить что-нибудь у них, но не проронила ни слова. Разговор не возобновился, голоса смолкли. Лаура притихла и вся внутренне сжалась – нет, она не боялась грозы, которая ее всегда завораживала. Лауру одолевало одиночество, и она не знала, что делать, когда перестаешь ощущать себя, биение своей жизни. Предгрозовой воздух был тяжелым, стылым и душным от непролитых слез. Бледные яблони, мертвеющие в преждевременных сумерках, напоминали скелеты невест. Безжалостный ветер срывал с ветвей всю красоту, их убор кружил в воздухе бело-розовой дымкой, опадая и обращаясь в сор под ногами.

Неожиданно на террасе появился Ник и присел рядом с Лаурой, вид у него был расстроенный.

– Ты слышала о смерти Бернадетт? – спросил он. – Говорят, она утонула.

Лаура в ужасе помотала головой – Бернадетт ей не нравилась, но они были знакомы, и поэтому эта внезапная смерть произвела на девушку удручающее впечатление.

– Мы встречались, – подавленно продолжал Ник. – Правда, мне не нравилось, что иногда она вела себя как полная дура. И сегодня утром, как назло, мы поссорились.

– Мне очень жаль, – прошептала Лаура, отчего-то ощущая свою вину, которой здесь никак не было.

Неожиданно Ник придвинулся к ней и взял за руку.

– А ты не хочешь меня утешить? Ты такая миленькая. Странно, что я не замечал тебя раньше.

– Как ты можешь? – поразились Лаура. Ей было не понять такого легкомыслия и безразличия. – Думать о другой и флиртовать сразу после смерти своей девушки!

– А что такого? Жизнь продолжается. Да мы и встречались-то всего ничего. Иди сюда, ты совсем холодная, наверное, замерзла.

Ник привлек Лауру к себе и заключил в объятия.

За пределами балкона разгоралась гроза, и Лаура всматривалась через плечо Ника в даль, в причудливые переплетения мерцающих молний. От раскатов грома создавалась иллюзия, что мраморные стены «Магдалы» хрупки, как яичная скорлупка, которую сотрясает ветер, что они могут рухнуть в любое мгновение, похоронив под обломками всех, кто, по несчастью, оказался внутри. Гроза резко превратила день в ночь. И в этой ночи не осталось ничего живого, кроме мерного течения крови в венах Ника, шея которого находилась в опасной близости от Лауры.

Она отпрянула и взглянула на него. В бездонной глубине ее глаз мгновенно растворились все чувства, остался только мистический грозовой свет. Это было сильнее Лауры. Она и не подозревала, что гроза издавна у нее в крови, запечатлелась в истории ее рода. Как только Лаура приникла к шее Ника с поцелуем, выпивающим жизнь, хлынул ливень, прибывая пыль и утоляя ее жажду. Впервые она делала это сама, без принуждения, просто подчинялась своему кровожадному инстинкту. Лаура испытала прекрасное, упоительное чувство, но потом, оставшись наедине с телом своей жертвы, она испугалась. Казалось, стеклянный взгляд Ника смотрит на нее с укором, ведь она отняла у него жизнь.

Лаура вскочила и без оглядки побежала по дорожке из лепестков, ноги ее шлепали по мокрой траве, как лягушки, а брызнувшие из глаз слезы смешивались с каплями дождя. Призрачная и живительная красота грозы успокаивала Лауру, а небесные слезы исцеляли кровоточащую душу. Шквальный ветер нес девушку в гору, где в свете молний мерцал мрачный силуэт замка – оплот ее тайны. Лаура стремилась к Эдгару и бежала, как сквозь сон, не замечая скользкой дороги и ощущая лишь разреженный воздух, напоенный неземными ароматами. Гроза даровала ей облегчение, позволила почувствовать себя частью стихии, а не только мертвым прахом.

Девушка полюбила зачарованный замок Эдгара. Это ветхое замшелое здание так сильно отличалось от благоустроенной, но неудобной «Магдалы», что Лаура предпочла бы жить здесь вместе с незнакомцем, влекущим ее и пугающим. Только рядом с Эдгаром она могла обрести себя, в то время как ей приходилось постоянно притворяться, проводя дни в «Магдале», в отчуждении от общества этнографической экспедиции.

Эдгар стоял у окна, упиваясь одиночеством и любуясь бурей – грозы занимали особое место в его сердце, – но внезапное появление Лауры раньше полуночи обрадовало его. Вампиры встретились в их тайном прибежище среди вспышек молний и буйства грозы, которая поглотила кровь заката и нагнетала мрак.

– Я сделала это, – выдохнула Лаура и кинулась в объятия к Эдгару.

Он один мог оказать столь необходимую ей поддержку, отогнать сомнения и утишить муки совести.

Лаура не могла знать, что непостижимый Эдгар любил ее изначально, еще до ее рождения, но сейчас он заново, по-особому влюблялся в нее. Она насквозь промокла, но обрела чужое тепло вместе с выпитой жизнью. Эдгар ободряюще обнял Лауру, не обращая внимания на то, что с ее волос и платья стекает вода. Он страстно поцеловал девушку в дрожащие губы, тогда она ощутила его возродивший жар и все поняла.

– Это ты убил Бернадетт? – с болью спросила Лаура.

– Да. Она была очень красивая и очень глупая. И пришла ко мне сама. Идеальная жертва. Всегда бы так. – Эдгар вздохнул, увидел обиду, промелькнувшую в глазах Лауры, и прибавил: – Не вздумай ревновать, милая, это всего лишь еда. Расскажи лучше, как все прошло у тебя.

– Я и не поняла, как у меня получилось, – произнесла Лаура поникшим голосом, словно оправдываясь. – Все произошло само собой, как ты и говорил. Я только не смогла придумать, что делать с телом, и оставила его на балконе. Боялась находиться рядом с ним.

– Это плохо, – нахмурился Эдгар, – всегда следует убирать за собой. Сколько времени прошло? Час? Боюсь, уже поздно что-либо сделать. Я не предполагал, что ты успеешь совершить это до наступления ночи. Надеюсь, в следующий раз ты будешь осмотрительнее. Да и я постараюсь впредь приглядывать за тобой, научу замечать следы.

– Как тебе удастся не привлекать внимания полиции?

– Я стараюсь не убивать в этих местах, – объяснил он. – Но если все же приходится, то не оставляю ранок на шее, они глубокие и не заживают от нашей слюны, как надрез. А полиция здесь часто обращает внимание лишь на внешние признаки, патологоанатома у них нет. Если смерть явно насильственная, тогда тело отправляют в ближайший город. Кровь для нас – магическая субстанция, и нам нет необходимости полностью опустошать тело. Для нас важна жизнь, энергия жертвы. А ты умница, моя девочка, ты справились.

Эдгар крепче обнял Лауру и усадил рядом с собой на маленький диванчик в стиле рококо с изогнутыми ножками, украшенный золоченой резьбой. Она с готовностью прильнула к своему покровителю, утопая во мраке безрадостных мыслей. Между тем новая кровь оживала в Лауре, румянила ей щеки и постепенно примиряла с реальностью готической сказки, из которой не было выхода обратно к свету. В ее глазах вместе с грозой отразился прозрачный намек на тьму, какой не наблюдалось ранее. В глубине души Лауры зарождалось зло. Оно не могло подчистую уничтожить доброту девушки, но опустило с небес на землю, убрав из нее незамутненную ущербность добра. Лаура пока не могла проникнуть в гармонию отношений создателя с ней, его творением, и просто жалась к нему, как мокрый котенок.

А Эдгар пристально наблюдал за Лаурой, улавливая эти метаморфозы и едва заметно улыбаясь. Он любовался ею, как художник – незавершенной картиной. Вглядывался в свое создание как в зеркало, с таким удивлением и восхищением, точно видел вместо собственного лица иное. Сам Эдгар сейчас напоминал статую, лишь только впадинки на скулах и тени на висках обозначились яснее, и некая тревожная одухотворенность оживляла черты. Грозовая ночь будоражила Эдгара, воскрешала в нем сокровенные воспоминания о его прошлой любви, случившейся, когда он был смертным.

Эдгар взял Лауру на руки и понес по неосвященной лестнице наверх, в спальню. Там он снял с нее сырую одежду, завернул в полотенце и бережно уложил на кровать. Волосы девушки пахли дождем и свежескошенной травой, а кожа источала ванильную сладость, что оттенял горьковатый аромат ландыша. Эдгар принялся целовать ее, с упоением покрывая поцелуями обнаженные плечи, ощущая их шелковистую прохладу и прижимаясь губами к шее Лауры – к тому месту, где находились ранки, нанесенные им, от которых на гладкой коже теперь не осталось и следа. Ему было приятно вспоминать о ней как о своей самой желанной жертве. Она признавала его власть и с покорностью позволяла Эдгару делать то, что он хочет. Ее тело

расслабилось, но сама Лаура лежала в его объятиях до странности безучастная и не отзывалась на ласки, невзирая на все попытки разжечь в ней страсть. Кожа у Лауры была теплой от свежей крови, но внутри словно застыл ломкий лед. Эдгар уже собирался сдернуть с нее полотенце, но в последний момент отстранился и внимательно посмотрел ей в глаза в мигающем грозовом свете.

– У меня такое чувство, что это делаем не мы, а те двое, которых мы убили, – ответила Лаура на его немой вопрос далеким голосом. – Они встречались и неоднократно занимались сексом.

«Рано», – с досадой понял Эдгар и немедленно отступил. Он не желал соединиться с Лаурой в неподходящий момент, когда ее душа разрывается от сомнений, а сама она столь невосприимчива.

Эдгар укрыл Лауру одеялом и отодвинулся, прозревая ее насквозь сумрачными глазами. Она пребывала в неприкосновенном коконе терзаний по своей новой, уже добровольной жертве, не могла отринуть эту боль и подумать о чем-то другом. Но если бы Лаура приняла его любовь, ей тут же стало бы гораздо легче. Он поделился бы с ней своей силой, передал бы уверенность в собственной безнаказанности, по крайней мере в этом мире. Эдгар знал, что его проклятая душа не избегнет адских мук, но сумел смириться с этой мыслью – он не мог жить иначе. В стародавние времена он не по своей воле сделал этот выбор, а когда опомнился, было уже поздно что-то изменять. Но он знал, что плотская близость между вампирами – больше, чем просто секс, это настоящая магия, сакральный обмен силами и эмоциями. Сейчас это произошло бы по-другому и было бы совсем не похоже на то, что он сотворил с еще живой Лаурой, познав ее человеческую плоть, что даже не отложилось в памяти девушки. Эдгар разочарованно вздохнул и со снисходительной нежностью погладил Лауру по мокрым волосам. Сейчас ему пришлось довольствоваться тем, что его воплощенная мечта существует и просто лежит рядом. Он не сомневался, что их время еще придет.

Глава 7

Причина смерти Бернадетт не вызвала сомнений ни у кого, кроме профессора Филандера. Он настоял на вскрытии тела утопленницы и убедился, что в нем недостаточно крови. Смерть Ника для профессора была однозначна – от укуса вампира, две аккуратные ранки на шее подтверждали это. Все продолжилось спустя двадцать лет после смерти Артура, его брата, и теперь профессор намеревался найти истинного убийцу. Он был уверен, что чудовище скрывается среди них.

– Скажите, у вас тут были странные смерти? – спросил он Уолтера Мэйна.

– Да, месяц назад одна девушка выбросилась из окна и свернула шею.

– Это произошло в полнолуние? – уточнил профессор.

– Не помню. Но мы только приехали, и это случилось в первую же ночь. Вам следует поговорить с местным старостой, если вас интересует статистика смертей.

Профессор прихватил своего помощника Мэтта и отправился в архив, к старосте.

– Вы живете здесь очень давно и, должно быть, знаете все, – обратился он к деревенскому старожилу. – Вчера почти одновременно двое участников экспедиции погибли при весьма необычных обстоятельствах. Замечали ли вы какие-либо странности в последнее время?

Староста немного помолчал, раздумывая, но все же решился открыть свои подозрения профессору – тот производил впечатление умного человека.

– Одна девушка, прибывшая вместе с экспедицией, очень напомнила мне молодую англичанку, которая умерла здесь двадцать лет назад и через день таинственным образом воскресла. После этого в округе было еще несколько смертей, в телах оставалось мало крови. Мы тут привыкли верить в существование вампиров из-за местных преданий.

– Почему же вы не уничтожили ее?

– Побоялись. Один приезжий американец, этнограф, правда, пытался, но она убила его. Его тело нашли наутро в «Магдале», в его собственной комнате.

– Это мой брат, – печально сообщил профессор. – Все эти годы я не знал обстоятельств его смерти, а сам был еще мальчишкой, когда это случилось. Но она не давала мне покоя, и я решил приехать в те места, где он погиб, чтобы все выяснить. Помню только, что Артур верил в вампиров.

– Точно, а я-то думал, откуда мне знакома ваша фамилия, – изумился староста. – Я помогу вам, но только советами, самому мне уже возраст не дает вмешиваться, старость. Распознать вампира непросто, но возможно, если быть внимательнее. Они ничего не едят и не пьют, не отбрасывают тени, не отражаются в зеркалах. Спят только во время восхода солнца, в это время они наиболее уязвимы. Чтобы убить вампира, нужно проткнуть ему сердце осиновым колом и отрезать голову. Говорят, и серебряная пуля поможет. Только, пожалуйста, не ошибитесь, ведь человек от всех этих манипуляций тоже умрет.

Староста порылся в ящиках и извлек поблекшую карточку.

– Вот, возьмите. Это фотография той англичанки. Она, к счастью, покинула эти края, но снимок остался, забытый в комнате «Магдалы», где она жила.

– Спасибо, это очень пригодится нам, – поблагодарил профессор.

На расплывчатом черно-белом снимке не отображался цвет глаз и оттенок волос, поэтому Элеонору трудно было отличить от Лауры. Вот только глаза у дочери были другие, не такие продолговатые, а большие и круглые. Сидя за столом напротив девушки по имени Лорелия Уэйн, профессор пристально наблюдал за ней. Лаура старательно ковыряла вилкой в тарелке с едой, оставляя ее нетронутой, и подносила к губам чашку с кофе, но уровень жидкости не убывал. Перед ним находился настоящий вампир.

– Подойди к Лорелии и пригласи ее к нам, – велел профессор Филандер своему помощнику на следующий день. – Ты молодой, и это будет выглядеть естественно.

– Вы ведь сначала проверите, профессор, не правда ли? – переживал Мэтт. – А вдруг вы ошибаетесь, тогда это будет убийство.

– Я почти убежден в ее природе, но, разумеется, мы сперва должны удостовериться.

Лаура сидела в саду и листала блокнот с записями из экспедиции. Как неуютно ей среди людей! Девушка поневоле переняла кошачьи повадки и нелюдимость Эдгара. Лаура запомнила его предостережение относительно их уязвимости на открытом свету и пряталась в тени кружевной листвы. На ее лице играли блики солнечных зайчиков, и на первый взгляд Лаура казалась обычной девушкой, задумчивой и скрытной в своей мечтательной красоте.

– Привет, Лорелия, – приветливым тоном обратился к ней какой-то парень, – мы толком не успели познакомиться. Меня зовут Мэтт, я новый помощник мистера Уолтера Мэйна.

– У тебя такая манера – подкрадываться? – нелюбезно спросила Лаура, встряхнув волосами, и на него повеяло слабым ароматом давно отцветших ландышей.

– Извини, если напугал, но тебя так трудно поймать, – сказал он, словно не замечая ее недовольства. – Я хотел пообщаться с тобой.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Мы с тобой земляки, – пояснил Мэтт. – Я слышал, ты из Лос-Анджелеса, так вот, я тоже оттуда.

Лаура с невольным интересом разглядывала парня: у него были мелкие черты лица, кудрявые каштановые волосы и веснушки на щеках, он располагал к себе дружелюбием. Но из осторожности она решила избегать общения с ним.

– Здорово, – отозвалась она. – Ладно, мне пора идти. Скоро обед.

Лаура поднялась и пошла прочь, не забывая придерживаться теневой стороны садовой дорожки. Ее золотистые волосы ловили отблески солнечных лучей, и, когда она вышла на залитую светом поляну, Мэтт не поверил своим глазам: за ней стелилась вытянутая тень с четкими, будто бы нарисованными контурами, которая повторяла округлые формы тела девушки, отразив даже танец юбки на бедрах. Мэтт, зачарованный грацией ее походки, не мог видеть, как нежный румянец отхлынул со щек Лауры. Вести за собой обманчивую тень стоило немалых усилий.

– Ты очень спешишь? – крикнул он, догоняя.

В тот момент Мэтт был способен видеть только изящный изгиб ее спины и не заметил, что удаляющаяся фигура Лауры напоминает куклу на шарнирах. Казалось, девушка пребывает в собственном замкнутом пространстве, она словно запуталась в себе. Ее жесты были скованными, будто бы она двигалась в узких границах своей воли и одержимости. Вдруг Лаура обернулась и посмотрела на него с лукавой улыбкой.

– Я всегда спешу, такой уж у меня характер.

– Послушай, – быстро проговорил Мэтт, боясь спугнуть ее, – профессор Филандер и я приглашаем тебя к нам посмотреть коллекцию древностей.

Поначалу Лаура не заподозрила неладного. Этот симпатичный парень внушал ей доверие, а она чувствовала себя одиноко и томилась скукой. Однако раздумывала она так долго, как если бы Мэтт сделал ей вместо банального приглашения на дружеский вечер предложение руки и сердца.

– Почему профессор зовет именно меня? – настороженно спросила Лаура.

Ее глаза казались голубыми и яркими, как летнее небо после дождя, скрывая в самой глубине каплю бессмертного холода. И сейчас их пристальный взгляд держал Мэтта в напряжении всех его душевных сил, так что он не смог ответить сразу – с Лаурой время бежало незаметно.

– Я думал, тебя заинтересуют древности, – наконец произнес Мэтт извиняющимся тоном. – Ты производишь впечатление самой серьезной девушки в группе.

– Я? – изумилась она и рассмеялась серебристым смехом, который еще долго покалывал сердце собеседника отзвуками далеких колокольчиков.

Внешне Лаура производила впечатление обычной девушки – беспечной, кокетливой и непредсказуемой. Она протянула руку, сорвала с куста цветок жасмина и прижала к лицу, вдыхая до боли родной аромат духов Эдгара. На кончике ее носа осталась желтая пыльца, но мертвый цветок не мог помочь ей в принятии решения, и разочарованная Лаура отбросила его в траву.

– Ну что ж, пойдем, – согласилась она.

Лаура развернулась и направилась в другую сторону. Мэтту было непросто принориться к ее стремительной походке. Девушка ему нравилась, она привлекала своей недостижимостью. Если бы Мэтт уловил в глазах Лауры отголоски ее мыслей, он сумел бы распознать ее душевный голод и возрастающую до бесконечности тоску. Однако он оказался бессилён прорваться сквозь золотистый ореол ее одиночества – трепетный, как пламя, но нерушимый. Это все равно что дотронуться до мимолетного ветерка или обнять воздух.

«Да, есть в ней что-то нечеловеческое... даже бесчеловечное, – подумал Мэтт, не желая соглашаться с этим неприятным чувством, пробуждающим в нем сопротивление. – Но это не первобытная жестокость, а нечто другое, более сложное. Нет, я не могу поверить, что она вампир. Она живет, дышит, чувствует...»

Лаура ускорила шаг, увидев белые стены «Магдалы». Правое крыло особняка, где проживал профессор, показалось бесцветным отражением ее части дома – все так похоже, но отталкивающе чужое. Рядом не росли деревья, и поэтому отсутствовал узор светотени, что оживлял каждую завитушку на колоннаде левого крыла. Подступ к главной части здания преграждали кусты, от чего правое крыло «Магдалы» воспринималось как обособленное строение, отдельный мир.

На пороге появился профессор, который увидел в окне ожидаемую картину: Мэтт вел к дому неуловимую Лорелию Уэйн. Иллюзорная тень, собранная из прозрачных, разбегающихся пятен, все еще тянулась по ее следу, но почти потеряла очертания.

– Мисс Уэйн, какой приятный сюрприз, – ошеломленно проговорил профессор Филандер, рассматривая, как мелькают ее ноги, не связанные с обрывками тени.

Лаура подошла ближе и остановилась перед профессором, который оглядел ее с ног до головы точно свой главный экспонат.

– Здравствуйте, профессор, – вежливо произнесла она. – Благодарю за приглашение.

Внезапно из-за облаков выглянуло солнце. Лаура очутилась на открытом свету и окончательно отделилась от своей призрачной тени, сожженной небесным огнем. При этом девушка не сощурилась, как все нормальные люди, но в ее глазах померк свет. Зрачки, которые ранее виделись камушками на дне потока, теперь несоизмеримо расширились, приближаясь мраком бездны и затягивая в свой черный водоворот. Темная пропасть ее души ненадолго выглянула из вечности, поглотила опасное солнечное сияние, дабы оградить девушку от его пламенной ненависти. Лаура с усилием моргнула и быстро вошла в белый сумрак «Магдалы». Профессор Филандер и Мэтт последовали за ней.

– Не желаете ли чашку чая? – учтиво предложил профессор.

– Спасибо, но нет, ведь скоро обед, – с милой улыбкой ответила Лаура.

Она скользкой походкой направилась дальше, осматривая комнату. «Магдала», расколотая надвое, приоткрыла ей вторую, неисследованную половину, которую Лаура стремилась увидеть, как оборотную сторону Луны. Эту часть строения заполняли ветхие, неприглядные предметы, которые профессор считал бесценными. Лауре показалось странным, что он возит с собой бесприютные древности: разбитые чаши, склеенные черепки, тусклые украшения, ведь они могли в любой момент рассыпаться прахом.

– Взгляните, какое зеркало, мисс Уэйн, – сказал профессор Филандер, указывая на старинную раму в человеческий рост, – оно в бронзовой оправе.

Вопреки поверьям о вампирах отношения у Лауры с зеркалами были прекрасными. Она без страха глянула в блестящую поверхность и, ехидно улыбнувшись, поправила волосы.

– Вам случалось бывать здесь раньше? – задал ей профессор каверзный вопрос.

– Нет, это мое первое путешествие, – простодушно ответила Лаура.

Профессор Филандер с глубокомысленным видом поправил очки и посмотрел на Мэтта взглядом, говорящим: «Как она умеет притворяться». Но затем его глаза под очками зловеще блеснули, и он достал из кармана жилета то самое фото.

Элеонора смотрела с черно-белой фотографии, где седой тенью потерялся непередаваемый яркий цвет ее волос. Обесцвеченное лицо матери выглядело одушевленным в полумраке дома, как будто она сейчас кивнет. Элеонора с осуждением взидала на Лауру, свое бессмертное продолжение, укравшее ее жизнь. Их родство и духовное сходство стало настолько полным, что Лаура, всматриваясь в это лицо, потянулась, чтобы поправить такой же капризный завиток надо лбом, но сразу опомнилась и растерянно отвела взгляд.

Эта комната оказалась ловушкой, завлекшей ее пыльным дыханием прошлого.

– Вы узнали? – нарочитым шепотом спросил профессор Филандер.

Лаура замерла напротив зеркала, так что даже волоски у нее на голове перестали шевелиться при малейшем движении воздуха. Она явственно ощутила на себе потусторонний холод, что исходил из-за стекла, обманчиво плоского и непреодолимого. Лаура возжелала бежать в несуществующее Зазеркалье, пересечь острую грань, попасть в комнату за стеной из старого матового стекла, в мнимый, перевернутый мир. Но пока боялась протянуть руку и нарушить соприкосновение измерений.

Тут в поле зрения появились Филандер с Мэттом, которые встали у нее за спиной, словно стражи. В руке у профессора она увидела остро заточенный осиновый кол. Лаура обернулась и посмотрела на них с истинно человеческим ужасом – страхом скорой смерти.

– Признаться, это ведь ты на той фотографии, верно? – злорадно произнес профессор.

В ответ Лаура отчаянно замотала головой, но ее лицо залила преступная бледность.

– Нет, это ты, – подтвердил он свои слова. – Ты убила здесь моего брата, двадцать лет назад.

Лаура порывисто отвернулась от них и в поисках выхода уставилась в зеркало, которое стало поддаваться ее воле. Жгучее желание, излучаемое взглядом Лауры, пробудило в хрустальном льду ответный огонь. Неземное сияние приблизилось из глубины и преобразилось в ослепительные черты, в которых Лаура не узнала собственное лицо. Ей подумалось, что она блеклый отблеск той запредельной красоты, невыразительный слепок зеркального двойника. Их взоры встретились, в то время как волшебное сияние потерянной части ее души влилось в нее чистой энергией. Вдохновленная Лаура вытянула руку и смело дотронулась до своего отражения. Гладкое стекло изогнулось и побежало прерывистыми трещинами под ее пальцами, расплываясь и захлестывая стены ледяной зыбью. Заиндевелый кристалл со всхлипом оттаял, и холодная поверхность расплылась кругами, брызнув на девушку звездным дождем осколков. Изрезанное лицо ее отражения осыпалось на пол искрящейся пылью, и Лаура отдернула руку от разбитого зеркала. Глухая стена, что открылась за ним, провалилась куда-то вниз, обнажая объятия мрака. Бездна небытия разверзлась перед ней зловонным зевом, и Лаура в страхе заглянула за черту пустоты. В этот миг ее окликнул голос Эдгара, далекий как никогда.

– Лаура, возвращайся ко мне! – приглушенно прозвучал его призыв.

Он отозвался в ее сердце и эхом сжал виски, приведя Лауру в чувство. Зов повлек ее тело вперед, к неведомому, за зеркальный порог. Она потеряла равновесие и полетела меж временем и пространством, впадая в беспамятство.

Девушка словно разбилась вместе со своим отражением и бесследно пропала на глазах у потрясенных свидетелей. Кроме нетронутой стены и разлетевшегося зеркала, она оставила после себя лишь несколько светлых волосков, которые упорно цеплялись за пустую бронзовую раму.

Когда Лаура открыла глаза, за окном все еще стоял жаркий летний день. Солнце проглядывало сквозь бархатные портьеры на высоких окнах замка. Невдалеке виднелось зеркало, через которое Элеонора поневоле передала дочери силу на свою погибель. Теперь же его блестящая поверхность покрылась паутиной трещин, а в центре проступали изломанные очертания женского тела. Лаура лежала на кровати обнаженная, укрытая одеялом, чувствуя слабость во всем теле. И с радостью поняла, что ей довелось испытать мгновенное перемещение и она справилась.

Ее окончательно пробудило прикосновение руки Эдгара ко лбу – такой легкой, прохладной и ласковой. В солнечном сиянии Лаура видела нежно-розовые переливы в кончиках его пальцев, а затем различила и встревоженное лицо Эдгара. Глаза у ее создателя тоже изменились – подавляющая синева переполняла сумерки его взора. И среди наводнения этой густой сини играли смеющиеся лучистые огоньки, которые освещали его бледное лицо и вторили бровям цвета теплой карамели, сейчас изогнутым в изумлении.

– Просыпайся, милая! – ободряющим тоном сказал ей Эдгар.

– Ты спас меня, – с умилением пролепетала Лаура, растворяясь в волнах его нежности.

– Нет, ты сделала это сама, – ликующе провозгласил Эдгар.

Лаура поняла, что золотые искорки в его глазах – это проявление радости и неомраченной гордости, без холодного пьедестала снисходительности. То была искренняя гордость за нее, свое творение.

– Ты явилась ко мне из Зазеркалья, моя лунная девочка, – поведал Эдгар, и непривычно витиеватая речь выдавала его волнение. – Я увидел в зеркале, как тыходишь через дальнюю дверь. Тогда от моего внимания ускользнуло, что это другая дверь, в «Магдале». Ты выглядела такой же, как покинула меня утром, только глаза были испуганными. Остановилась прямо передо мной, но возникло ощущение, как бывало во сне, что ты находишься за невидимым стеклом. Ты оставалась за гранью, а я стоял здесь и мог лишь окликнуть, не надеясь, что ты услышишь. Я видел, ты менялась на глазах – непостижимое сияние выхватило тебя из полумрака. Оно зародилось внутри, как будто ты что-то бессознательно скрывала в себе и вдруг вспомнила. Тебе хватило силы и отваги, чтобы презреть расстояние и забыть о времени. Ты поборола страх и совершила этот решающий шаг. В тебе наконец проснулась способность к телепортации. Я как-то говорил тебе, Лаура, что зеркало создано, чтобы черпать в нем силы, но эта игрушка может и убить, если отнестись неосторожно к ее истинной сути. Стоило тебе коснуться рукой, как зеркало разбилось вдребезги. С моей стороны оно треснуло, и ты, обессиленная и обледенелая, упала ко мне на руки из ниоткуда. К счастью, ты потеряла лишь несколько волосков, на тебе нет ни царапинки. А теперь расскажи мне, что там произошло.

– Профессор Филандер и его помощник хотели меня убить, – прошептала Лаура, пребывая во власти пережитого ужаса. – Они знают, что я вампир. У них был осиновый кол, и я жутко испугалась! Профессор утверждает, что двадцать лет назад я убила его брата. Ты что-то знаешь о нем?

Эдгар напряженно думал, и вертикальная складка на лбу выдавала его глубокую озабоченность.

– Эта история мне неизвестна. Тогда меня не было в этих краях. Но полагаю, это сделала Элеонора, больше никому. Я не знаю о других женщинах-вампирах. А ты внешне очень напоминаешь ее, она ведь твоя мать.

– Да, у него было ее фото тех времен.

Эдгар наклонился к лежащей Лауре, так что его длинный локон игриво защекотал ей щеку. И заговорил, подчеркивая значимость слов изящными жестами, словно обвивая тело Лауры лентами разорванных объятий.

– Нам нужно срочно уехать, тут оставаться опасно. Вещи не бери, просто исчезни. Где твой паспорт? Я сам заберу его. И больше не отпущу тебя туда одну, ты мне слишком дорога. Я не могу потерять тебя.

– Куда же мы поедem? – прошептала Лаура, незримо связанная его заботой.

– Для начала в Бухарест. Оттуда отправишь телеграмму своему руководителю, напишешь, что у тебя все в порядке, но пришлось спешно уехать, не уточняя куда. А в какую страну двинемся потом, решай сама. Мне все равно, лишь бы с тобой.

– Я хочу домой, в Америку, – сказала Лаура, созерцая, как тает ее отражение в глубине его глаз.

– В Америку? Хорошо, – на удивление легко согласился Эдгар. – Я давно не бывал там. Но только не в Лос-Анджелес, ты можешь подвергнуть сестру опасности. У вас с ней одна фамилия.

– А что будет с замком? – забеспокоилась Лаура. – Они могут догадаться, что мы скрываемся тут, и что-то предпринять, например, сжечь.

– Не волнуйся, я наложу на него заклятье, никто и близко не подойдет. Помнишь, как в сказке про Спящую красавицу и заросли шиповника? Мы в любом случае должны уехать, я не люблю жить взаперти. – С этими словами Эдгар поцеловал ее в щеку, отстранился и скользнул по открытым плечам Лауры чувственным взглядом. – Мы с тобой посмотрим мир, это будет наш медовый месяц, любовь моя.

Глава 8

В Тульче Эдгар с Лаурой сели в автобус, доставивший их в Бухарест, откуда они сразу отправились в аэропорт Отопени.

– И что, я буду в Америке и даже не увижу Джемми? – вдруг осенила Лауру ужасная мысль, пока они ждали начала регистрации на рейс в Нью-Йорк.

Вместо ответа Эдгар только покачал головой. Лаура была на грани истерики, она отчаянно хотела встретиться со старшей сестрой.

– Я хочу увидеться с ней, хоть на часок! Ты обещал мне! Прошло уже больше месяца. Я вполне способна себя контролировать!

Джемайма олицетворяла для Лауры то незыблемое, что было в ее жизни до перевоплощения: единственный родной человек, ее семья. И впервые за время их странных отношений с Эдгаром Лаура сумела настоять на своем.

– Ладно, позвони ей из Нью-Йорка, – наконец смиростивился он, уступив мольбам. – Полетим до Лос-Анджелеса и сразу уедем оттуда. Пусть встретит нас в аэропорту. Хотя я предпочел бы остаться в Нью-Йорке, поехать оттуда в Чикаго и затем по шоссе Route 66.

Лауре казалось непривычным видеть его в простой рубашке и джинсах, но Эдгар был настоящим аристократом и всегда оставался им. Его утонченность чувствовалась во всем, даже без его чудесных костюмов и локонов. Сейчас от него исходил не старомодный запах жасмина, а аромат модного мужского парфюма. Эдгар спокойно прошел все необходимые процедуры в аэропорту, как будто делал это каждый день. К удивлению Лауры, у ее спутника имелся американский паспорт. Девушку поражала прекрасная обыденность сидеть рядом с ним в самолете, где Эдгар с вежливой улыбкой отказался от обеда. Лаура замирала от непередаваемого восхищения, глядя на него.

Завидев Джемайму в зале прилетов, Эдгар крепко сжал руку Лауры из опасения, что ее позовет родная кровь, как уже случилось с Элеонорой.

Джемми внимательно рассматривала их карими, как у Филиппа, глазами, оттенка молочного шоколада.

– Ах вот какие обстоятельства не отпускали тебя из Румынии, – иронично проронила она вместо приветствия. – Любовь! Ты нас познакомишь?

Эдгар нехотя назвал свое имя, и Джемайма сразу почувствовала к нему необъяснимую неприязнь – она не могла отделаться от смутного ощущения дежавю. Ей казалось, что она уже видела этого мужчину, но не помнила когда.

– Вы актер? – спросила Джемми, сиюсь вспомнить и наморщив лоб.

– Нет.

– У вас своеобразный акцент. Вы из Румынии?

– Нет, это польский акцент, – пояснил он.

– А чем вы занимаетесь? – продолжала допрос Джемайма.

– В данный момент путешествую, – лучезарно улыбнулся Эдгар. – Я всегда мечтал посмотреть Америку. Настоящую, без прикрас.

В ответ Джемайма натянуто улыбнулась уголками губ и осведомилась:

– Вы позволите нам немного пообщаться?

Она взяла Лауру за руку и утащила в ближайшее кафе.

– Я должна тебе кое-что рассказать, – проговорила Джемми, помрачнев. – В смерти наших родителей много странного, причину так и не смогли выяснить. Тело матери рассыпалось, как будто его кремировали. Так она и прибыла, в урне. А в теле отца было очень мало крови.

Лаура смотрела на сестру пустыми глазами безо всякого выражения и нервно теребила кончик косички, перекинув через плечо. Волосы у нее были собраны в высокий хвост и, согласно моде восьмидесятых, затем заплетены в косу, чтобы не мешали. Лаура чувствовала себя отчасти виновной в смерти родителей и старалась позабыть о них.

– Я обязательно навещу их могилы, – наконец сказала Лаура, чтобы закрыть эту неприятную тему, понимая, что бессовестно лжет. – Но сейчас я уезжаю.

– Уезжаешь? – опешила Джемайма. – Опять? Ты ведь только прилетела из Румынии. И куда на этот раз ты собралась?

– Недалеко. Эдгар хочет посмотреть Америку.

– Он ведь старше тебя лет на десять, да? – произнесла Джемми с неодобрением. – Из Польши, нигде не работает. Будь осторожна, Лора!

– Не переживай за меня, я уже не маленькая. Давай лучше поговорим о тебе. – Лаура пристально всмотрелась в Джемайму и выпалила: – Джемми, ты беременна!

Та смутилась и безотчетно окинула взглядом свою стройную фигуру.

– А что, уже заметно?

– Нет... Я просто вижу. Ты как будто светишься изнутри. И кто же отец твоего ребенка?

– Никто. – Джемайма в замешательстве отвела взгляд, даже не удивившись пронизательности сестры. – Я обязательно расскажу тебе, но только не здесь и не вот так, впопыхах. Я сама только поняла... и еще не сообщила ему эту новость. Не знаю, как сказать.

– Он что, женат?

– Нет, – ответила Джемми и отчего-то мрачно усмехнулась. – Ты лучше скажи, тебе нужны деньги?

– Не надо, у меня пока есть.

Лауре не хотелось брать денег у сестры, но Джемайма достала чековую книжку и выписала ей пару чеков.

– Вот, возьми на всякий случай. Мало ли, как у вас сложится. Что бы ни случилось, знай, ты всегда можешь вернуться домой. Я буду ждать тебя.

Сестры на прощание обнялись, и Лаура зашагала к поджидавшему ее Эдгару. Джемайма смотрела ей вслед с обидой, но не осуждала. Она не могла не заметить, как похорошела младшая сестра, как преобразились ее черты, словно засияли. Джемайма и сама недавно впервые влюбилась, да так, что не чуяла под собой земли. Но ее любовь была под запретом, так пусть хоть сестренка наслаждается счастьем.

– Из-за тебя мне пришлось бросить ее во второй раз, – с горечью сказала Лаура, подойдя к Эдгару. – Почему мы не поехали ко мне домой?

– Твоя девичья спальня, блинчики от сестры Джемаймы и очередь в душ по утрам? – нахмурился он. – Нет уж, благодарю покорно. Кроме того, сейчас это опасно. Нам следует уехать, затаиться, хотя бы на несколько месяцев. Что она сказала?

– Теперь моя сестра думает, что я живу с безработным эмигрантом из Польши на десять лет старше меня.

– Это даже забавно, – усмехнулся Эдгар.

– А еще я увидела, что она беременна, – взволнованно сообщила Лаура.

– Да, я тоже заметил, – кивнул он и глубоко задумался. – У нее будет двойня. Это чудо, я не припомню близнецов в нашем роду. Джемайму надо беречь, как священный сосуд.

Они спустились на парковку, где получили автомобиль, взятый в аренду, – «Линкольн Континентал Марк VII», огромный, черный и блестящий. Эдгар выбрал его за репутацию самого красивого и современного автомобиля, сделанного в Америке. Эдгар сел за руль, а Лаура устроилась рядом, с наслаждением откинувшись на кожаное сиденье.

– Ты умеешь водить? – изумилась она, когда Эдгар завел двигатель.

– Разумеется. За столько лет я успел многому научиться, в том числе и водить машину. Знаю, что ты тоже умеешь.

– Да, конечно, – с готовностью ответила Лаура, радуясь, что может хоть чем-то ему угодить, – все американские подростки учатся водить машину.

– Замечательно. Ты поведешь, когда мне надоест. Куда поедем? Куда ты хочешь?

Он включил радио, где по невероятному совпадению играла песня Highway To Hell⁴. Однако Эдгару она почему-то не понравилась, и он переключился на другую радиостанцию, на которой как раз поставили недавний хит Behind The Wheel группы Depeche Mode.

– Эта песня как раз для тебя, моя милая девочка. Ты сегодня решаешь, куда ехать.

– Давай для начала в Сан-Франциско, – поразмыслив, сказала Лаура, – потом в Аризону, я всегда хотела увидеть Гранд-Каньон и национальные парки Сьерра-Невада. А еще Лас-Вегас.

Автомобиль ехал настолько плавно, будто бы летел по воздуху, унося их прочь от Лос-Анджелеса, этого игрушечного и слишком вообразжающего об успехе города, воплощения американской мечты без настоящих мечтаний. Лаура с бессильной нежностью любовалась спокойным профилем Эдгара, тем, с какой легкостью он управляет машиной, как его золотистый локон вьется на ветру. Свет их влюбленных глаз затмевал огромную сверкающую Америку вокруг. Их медовый месяц начался.

Шоссе Pacific Coast Highway вело из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско вдоль живописного побережья Тихого океана, и его не зря назвали Дорогой грез. Автострада была пустынна, и Эдгар то и дело останавливал машину, чтобы выйти и насладиться великолепными видами. Он никуда не торопился и желал устроить своей Лауре романтическое путешествие. Обнявшись, они стояли на самой высокой точке побережья и с замиранием сердца созерцали горный хребет Санта-Люсия, окутанный дымкой. Горы круто обрывались в Тихий океан, внизу в водах резвились морские котики.

Сан-Франциско был городом свободы, музыки и нестареющих хиппи. Эдгар и Лаура провели в нем пару беззаботных недель, ведя себя как обычные люди и делая то, чем занимаются все туристы, приехавшие сюда. Ходили на концерты, в джазовые клубы, катались по холмистым улицам на старинном канатном трамвае, гуляли по набережной Эмбаркадеро, держась за руки. Они целовались на закате, глядя, как клубится над гаванью молочный туман, у которого даже было имя – Карл, смотрели, как он накрывает мост Золотые Ворота, нежно просачивается сквозь его струны, словно играя на арфе. Время пролетело незаметно, вот уже снова наступало неминуемое полнолуние, и тогда Эдгар предложил двигаться дальше на восток, в сторону Скалистых гор.

– Мы разве не будем искать жертв в Сан-Франциско? – удивилась Лаура.

– Нет, у меня есть план поинтереснее.

На выезде из города они заметили у обочины шоссе двух голосующих девушек с рюкзаками. Многие туристки, путешествующие автостопом, предпочитали передвигаться парами в целях безопасности.

– Это как раз тот случай, когда добыча сама плывет в руки, – довольно ухмыльнулся Эдгар, нажал на тормоза и высунулся из окна. – Привет, девочки! Куда держите путь?

– В Аризону, хотим увидеть Гранд-Каньон.

– Мы направляемся в ту же сторону и можем вас подбросить, – приветливо предложил Эдгар, сияя голливудской улыбкой.

Девушки согласились, соблазненные возможностью прокатиться на таком шикарном автомобиле, и ничего не заподозрили. Эдгар и Лаура, красивая молодая пара на дорогой машине, были похожи не на маньяков, а на богемных прожигателей жизни.

---

⁴ Песня группы AC/DC.

Эдгар в полную силу излучал обаяние и поддерживал беседу, проявляя к девушкам неподдельный интерес. Лаура же напряженно молчала всю дорогу, зная, что вскоре последует. Блондинку звали Салли, а брюнетку – Дебби, обе девушки были по виду хиппи – растрепанные, беспечные и смешливые.

- Откуда вы, Дебби и Салли? – расспрашивал их Эдгар.
- Из Огайо. У нас не очень много денег, и мы путешествуем автостопом.
- Мы с Лори никогда не бывали там. И как у вас в Огайо, интересно?
- Не очень.
- Чем вы занимаетесь?
- Мы студентки. Сейчас у нас каникулы.
- А что вы уже успели посмотреть?

Лауру мутило от этого непринужденного диалога, все ее существо внутренне содрогалось. Они ехали уже два часа, углубляясь в реликтовые леса Восточной Калифорнии. Сумерки здесь сгущались на несколько часов раньше, чем у побережья. Быстро стемнело, девушки наконец-то задремали и замолкли. Эдгар не торопился, он обстоятельно присматривал место, которое ему понравится. Дальний свет указывал путь, выхватывая темные силуэты гигантских деревьев по обе стороны дороги.

Посреди векового леса из секвой Эдгар вдруг свернул на обочину и резко затормозил.

– Почему мы остановились? – осторожно спросила Дебби, которая тут же проснулась.

– Мы приехали, девочки, – мягким голосом сказал Эдгар, – мне очень жаль, но Гранд-Каньон вы не увидите.

Все девушки, включая Лауру, застыли от ужаса.

Эдгар выбрался из автомобиля, открыл дверь и вытащил с заднего сиденья взвизгнувшую и упирающуюся Салли. Он, как обычно, пошел на поводу у своего вкуса и выбрал блондинку. Эдгар был подвержен нарциссизму и постоянен в своих пристрастиях, несмотря на все его капризы. Пока Лаура медлила, Дебби успела открыть вторую дверь, выскочить из машины и скрыться в темном лесу. Эдгар спокойно проводил ее взглядом, прижимая Салли к себе, держа за шею мертвой хваткой.

– Что ты стоишь? – в перерыве между беспомощными вскриками Салли обратился он к испуганной Лауре, наконец вылезшей из автомобиля. – Это ты ее упустила, вот и беги за ней. Догоняй! Или ты хочешь посмотреть? Пожалуйста, я не возражаю. Далеко она все равно не убежит, никуда не денется.

Эдгар взял Салли за плечи, развернул лицом к себе, холодно улыбнулся и заглянул ей в глаза пронзительным взглядом, отбирающим душу. Жертва сразу же оцепенела, перестала кричать, дрожать и бояться его. Эдгар успокаивающим движением погладил Салли по щеке и припал к ее шее, на сей раз не потрудившись достать нож. Лаура впервые видела со стороны, как он убивает, поглощает чужую жизнь – завораживающее зрелище! В действиях Эдгара не просматривалось признаков садизма, он просто утолял жажду, решал проблему питания.

Лауре отчего-то стало неловко, как будто она подглядывает за чужим соитием. Она очнулась и опрометью бросилась в лес из красных секвой. Высокие кроны не оставляли шансов на рост другим деревьям, и никакие ветки не задевали лица Лауры, она бежала легко и свободно. В древнем мистическом лесу, полном сакральных знаков и одеревеневших духов, всегда стоял полумрак. В ушах у девушки шумел ветер, а под ногами мягко шуршала опавшая рыжая хвоя. Из-за высокой влажности здесь сгущался туман, который пронизывали рассеянные лучи лунного света. Упоительный аромат леса хотелось пить, вкусно пахло прелыми иголками, мокрым мхом и волглыми туманами.

Лаура подняла голову и сквозь сомкнутые кроны деревьев увидела, как полная луна вынырнула из облаков. В девушке сразу пробудился инстинкт охотника, она почуяла жертву, ее страх и биение пульса. Калифорнийские секвойи были безмолвными союзницами, они, как

и Лаура, пустили корни и выросли на этой земле. Девушка дотронулась до красного шершавого ствола дерева, ощутив, как оно дышит, думает и без слов говорит с ней. И тут же определила направление, в котором бежать дальше.

Дебби пряталась в дупле у корней огромной секвойи, чтобы обхватить ее ствол, понадобилось бы несколько человек. Лаура резко остановилась и устремила на нее взгляд, блуждающий вне мира. Зрачки Лауры уменьшились и словно растаяли в бездонной лазури ее фосфоресцирующих глаз.

– Нет, не убивай меня! – жалобно попросила Дебби. – Прошу тебя, не надо!

– Подойди ко мне, Дебора, – велела Лаура не своим, потусторонним голосом.

Магия тысячелетнего леса будила дремавшие в молодой вампирше первобытные инстинкты. На нее снизошло вдохновение, древняя сила вскипала внутри и переливалась через край.

– Подойди ближе! – властно продолжала Лаура, неумолимо притягивая Дебби лучистым взглядом.

Жертва послушалась, подошла и сама подставила шею. Неземное ликование отразилось на лице Лауры, когда ее зубы вонзились в живую плоть, пахнущую дешевыми духами. Зачарованный лес вокруг таинственно и одобрительно шумел, отдавая Лауре свою природную силу, при этом она ощущала безмерную радость и упоение. Закончив, Лаура отбросила тело в пышные заросли папоротников и легкой походкой направилась обратно к машине.

Эдгар стоял в свете включенных фар, озаренный новой жизнью и свежееобретенным теплом. Мертвое тело Салли аккуратно лежало на траве у его ног, а ее лицо и поза выражали покой.

– Ты молодец, Лаура, – произнес Эдгар, и глаза его засияли. – Если бы ты не сумела догнать ее, я бы вмешался. Но ты справилась, моя умница, и шагнула на следующую ступень своей силы. Я горжусь тобой.

Вместо ответа Лаура разразилась истерическими рыданиями, осознав, что только что сделала.

– Ну-ну, прекрати, – ласково покачал головой Эдгар. – Пожалей ее кровь. Ты помнишь, где бросила тело? Нам придется их похоронить вместе с вещами. У меня в багажнике есть лопата.

Лаура задохнулась от ужаса, представив это, и сразу же перестала плакать.

– Ты говоришь серьезно?

– Что поделать, милая, – тяжело вздохнул Эдгар. – Знала бы ты, как я не люблю работать руками. Но в этой вашей Америке иначе нельзя, не стоит оставлять следов. Их тела никогда не должны найти. В Восточной Европе с этим гораздо проще. А в бедных странах Латинской Америки вообще всем все равно, там можно бросать трупы прямо на улице.

Они выкопали неглубокие могилы и поместили туда тела, забросав их ветками, а затем сели в машину и продолжили путь. Лаура хранила тягостное молчание несколько часов, пока они не пересекли границу штата Невада.

– Нам нужно остановиться в каком-нибудь мотеле, чтобы переждать рассвет, – сказал Эдгар, словно ничего не случилось. – Мы уже в Неваде, и через пару дней ты увидишь свой Гранд-Каньон. Или сначала заедем в Вегас? Тут недалеко.

Подобное хладнокровие казалось Лауре невыносимым, оно шокировало и было выше ее понимания.

– Ты действительно не переживаешь ни минуты? – не выдержала она.

– Нет, – бесстрастным тоном изрек он, – ты ведь раньше, когда ела бифштекс, не думала, из кого он сделан? Вот и я не думаю об этом. Так гораздо проще жить, поверь мне. Если ты будешь убиваться по каждой своей жертве, рано или поздно сойдешь с ума. В мире хватает зла и смертей без нас. За двести лет я видел столько бессмысленной жестокости, войн и трагедий, что наши действия – это капля в море крови.

Лаура немного помолчала и решилась спросить о том, что ее тревожило:

– Ты всегда убиваешь женщин?

– Стараюсь, – равнодушно ответил Эдгар, не отрываясь от дороги, – убивать молодых женщин мне эстетически приятнее, и с ними проще справиться.

– И что ты при этом чувствуешь: желание, возбуждение?

– А, ты об этом. Нет, я не испытываю телесного голода. Я не воспринимаю их в качестве объектов сексуальных желаний, они меня не волнуют. – Эдгар повернулся к ней и заглянул в глаза с подкупающей искренностью. – Я хочу только тебя, моя Лаура, и никого, кроме тебя.

Нельзя было не признать, что слышать подобные слова ей более чем приятно. Это тешило самолюбие, придавало смысл ее жуткой жизни. За такие высказывания Лаура могла бы простить Эдгару что угодно. Когда они заехали в ближайший мотель и легли в кровать, она позволила ему обнять себя.

– Распусти волосы, – попросил он Лауру.

Она послушалась, и, когда ее светлые пряди рассыпались по подушке, Эдгар закрыл глаза, с удовольствием вдыхая их аромат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.